

Театръ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

НА ЖУРНАЛЪ

„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“.

Съ доставкой и пересылк.
на годъ 6 р., на полг. 4 р.

Отд. №№ продаются по 20 к.
Объявл. — 20 к. съ стр. пет.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:

Моховая, 45.

Отдѣленіе въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печивской.

Рукописи, доставл. безъ обознач. гонорара, считаются бесплатными.

Мелкія рукописи не сохраняются.

Телефонъ ред. № 1669.

Искусство

1899 г. III годъ изданія. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ. ВОСКРЕСЕНЬЕ, 6 Іюня.

СОДЕРЖАНІЕ: Къ свѣдѣнію жертвователей.—Къ вопросу объ устройствѣ новаго Общества Драмат. писателей.— О значеніи А. С. Пушкина въ русскомъ театрѣ. *Н. Николаева.*—Прѣжнія и сущест. система вознагражд. артистовъ драм. труппъ Имп. театровъ (*окончаніе*). *П. П.*—Хроника театра и искусства.—Круча (*продолженіе*). *А. Дьянова.*—Заграницею.—

№ 23.

Пров. лѣтопись.—Справ. отдѣль.—Алфав. списокъ пьесъ, разрѣш. къ представленію.—Объявленія.

Рисунки: «Алеко» опера Рахманова; Пушкинскія празднества.—Plus que reine (2 р.), Г. Ершовъ въ роли Алеко; портретъ И. Н. Шигаева.

Приложеніе: «Биронъ», ком. Н. А. Борисова, стр. 1—16.

Продолжается подписка на 1899 г.

НА ЖУРНАЛЪ

„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“

Отъ редакціи:

Къ № 24 журнала будутъ приложены окончаніе пьесы „Биронъ“ и 2-й выпускъ словаря современныхъ дѣятелей сцены.

Лицамъ, не внесшимъ полной подписной платы, высылка журнала прекращена съ 23 №

С.-Петербургъ, 6 іюня.

Обращаемъ вниманіе читателей на помѣщенный ниже отчетъ о спектаклѣ, данномъ группою Новочеркаскаго театра въ память покойнаго Н. П. Рощина-Инсарова, съ отчисленіемъ половины чистаго сбора на учрежденіе кровати его имени въ Убѣжищѣ для престарѣлыхъ артистовъ. Фактъ, безспорно, отрадный. Но намъ бы хотѣлось обратить вниманіе на практическое неудобство пожертвованій, имѣющихъ специальное назначеніе. Если другихъ поступленій на этотъ предметъ не поступитъ,—лепта новочеркасской труппы останется мертвымъ капиталомъ. Содержаніе пенсионера въ Убѣжищѣ обходится Русскому Театральному Обществу въ 240 руб., т. е., другими словами, для учрежденія именной кровати требуется капиталъ въ 6000 руб.

Если жертвуемая сумма меньше, то она лежитъ до накопленія процентными начисленіями соответствующаго капитала. Изъ отчета за 1898 г. мы видѣли что Русское Театральное Общество уже обременено цѣлымъ рядомъ такихъ безнадежныхъ платоническихъ даровъ, осуществиться коимъ суждено лишь въ очень отдаленномъ будущемъ, когда острая нужда минетъ, и Театральное Общество, нужно думать, будетъ имѣть не одно Убѣжище, а нѣсколько. Поэтому, не лишая пожертвованія именного характера, не слѣдовало бы, думается намъ, стѣснять Совѣтъ Театральнаго Общества специальнымъ назначеніемъ, но предоставить ему расходовать данную сумму по своему усмотрѣнію. Можно рекомендовать также учрежденіе именныхъ пенсій, начиная отъ 60 руб. въ годъ, для чего потребовался бы капиталъ всего въ 1500 руб. Однимъ словомъ неудовлетворенныхъ нуждъ у русскаго театра и его дѣятелей не оберешься, и всякой суммѣ, какъ бы она ни была мала, можно найти соответствующее примѣніе. Надо только соразмѣрять лепту съ ея назначеніемъ.

Нами получено слѣдующее письмо по вопросу объ учрежденіи Общества драматическихъ писателей при Театральномъ Обществѣ. Авторъ отдаетъ предпочтеніе Союзу Писателей. Помѣщая настоящее письмо, мы, однако, въ виду практическихъ соображеній, рѣшительно высказываемся за Театральное Общество.

М. Г! Безпристрастіе Ваше въ освѣщеніи вопросовъ театральной жизни и терпимость къ чужому мнѣнію, хотя бы оно не было согласно съ Вашимъ, даетъ мнѣ поводъ обратиться съ просьбою дать на столбцахъ Вашего уважаемаго органа мѣсто письму по животрепещущему вопросу: гдѣ было бы умѣстнѣе открыть секцію по охранѣ авторскихъ правъ драматическихъ писателей: при Союзѣ ли взаимно-

помощи Русскихъ Писателей, или при Русскомъ Театральномъ Обществѣ?

Симпатіи Вашего журнала склоняются по этому поводу на сторону Театральнаго Общества. Такъ какъ я былъ авторомъ предложенія объ учрежденіи при Союзѣ взаимопомощи Русскихъ Писателей упомянутой секціи и старался пропагандировать эту мысль письмомъ, помѣщеннымъ въ 1898 г. въ «Театръ и Иск.» (№ 25), то я прошу позволенія высказать нѣсколько соображеній въ защиту и отстояніе своей мысли.

Соціальное и экономическое положеніе русскаго писателя совершенно разнится отъ соціальнаго и экономическаго положенія русскаго актера. Между цифрою вознагражденія труда того и другого также «дистанція огромнаго размѣра». Эту принципиальную мысль, насколько мнѣ кажется, раздѣляетъ и Вашъ журналъ, который въ № 17, въ передовой статьѣ, посвященной вопросу о комплектованіи корпораціи сценическихъ дѣятелей, высказывается противъ присоединенія къ корпораціи «литераторовъ, посвящающихъ свои труды театру», на томъ основаніи, что «живутъ они съ актерами на разныхъ половинахъ, разнымъ языкомъ говорятъ и часто разнo мыслятъ. А главное, у нихъ совершенно *разныя формы экономическаго существованія*, и примѣнительно къ этимъ формамъ, для гг. литераторовъ имѣются союзъ писателей, литературный фондъ, касса взаимопомощи и т. д.». Исходя изъ этой же вполне раздѣляемой мною мысли, я нахожу неправильнымъ, а, если даже хотите, несправедливымъ, монополизированіе Театральнымъ Обществомъ охраны правъ драматическихъ писателей.

Неправильнымъ этотъ проектъ мнѣ кажется потому, что слитіе двухъ корпорацій актерской и писательской въ одно само по себѣ ненормально. Актеры стоятъ въ извѣстныхъ обязательныхъ отношеніяхъ къ драматическимъ писателямъ. Они живутъ произведеніями ихъ ума, таланта, или просто компилятивныхъ ихъ способностей. Это, выражаясь языкомъ цивилистовъ, двѣ «стороны», интересы которыхъ совершенно расходятся. Интересъ писателя получать за свой трудъ возможно больше. Интересъ актера—платить за этотъ трудъ возможно меньше. Образованіе же секціи по охранѣ авторскихъ правъ при Театральномъ Обществѣ дало бы возможность самимъ актерамъ, какъ болѣе многочисленнымъ и болѣе вліятельнымъ въ обществѣ, распоряжаться судьбою драматическихъ писателей и ставить такія условія, которыя другой «сторонѣ»—писателямъ казались бы не совсѣмъ выгоднымъ. Я, конечно, не думаю обвинять членовъ Театральнаго Общества въ такихъ попятношеніяхъ. Напротивъ, я убѣжденъ, что въ настоящую минуту лица, стоящія во главѣ общества, ничего, кромѣ общей взаимной пользы, и актерской, и писательской не преслѣдуютъ. Я говорю только о томъ, что такое столкновеніе возможно.

Далѣе. Посмотримъ на этотъ вопросъ съ точки зрѣнія общей справедливости. Писательская корпорація еще далеко не обезпечена. Она въ этомъ отношеніи даже хуже поставлена, чѣмъ корпорація актерская. У послѣдней существуетъ, напр., уже свое убѣжище, чего нельзя сказать о труженикахъ печати. Средній заработокъ писателя, когда онъ находится въ расцвѣтѣ силъ, также гораздо ниже заработка актера. Мѣсячный гонораръ третьестепеннаго актера можетъ равняться мѣсячному заработку «первокласснаго», если можно такъ выразиться, писателя. Справедливо ли будетъ послѣ этого, прибыль, получаемую отъ труда писатель-

скаго (охраны авторскихъ правъ), обращать не на поддержку инвалидовъ-писателей, а инвалидовъ-актеровъ? Въдъ какой бы минимумъ процента Театральное Общество ни взидало въ свою пользу, все же сумма очистится порядочная. Вотъ эта сумма, на мой взглядъ, должна быть исключительнымъ достояніемъ Союза Русскихъ Писателей. Какъ бы растяжимъ ни былъ уставъ Русскаго Театральнаго Общества, все же фаворитами Общества должны являться одни лишь активные дѣятели сцены—актеры. Допустить противное—это то же, что навязать литературному Фонду, или Кассѣ взаимопомощи выдачу пособія актерамъ.

Вотъ мои доводы, которые я хотѣлъ высказать противъ проекта Театральнаго Общества. Всѣ мотивы за учрежденіе секціи по охранѣ авторскихъ правъ при Союзѣ Русскихъ Писателей были мною подробно изложены въ заявленіи, поданномъ въ Комитетъ Союза. Къ сожалѣнію, Комитетъ до сихъ поръ почему-то не подвинулъ дѣла впередъ, несмотря на то, что вопросъ, по моему крайнему разумѣнію, достоинъ серьезнаго вниманія. Чтобы возстановить въ памяти читателей въ общихъ чертахъ свой проектъ, считаю долгомъ привести маленькую выдержку изъ статьи, посвященной упомянутому моему предложенію, въ московской газетѣ «Новости Дня»:

«Изъ только-что вышедшемъ № «Театра и Искусства», говоритъ авторъ статьи,—анонимный драматургъ предлагаетъ новый планъ,—и въ немъ есть несомнѣнный резонъ. Суть плана въ томъ, чтобы устроить при «Союзѣ» писателей секцію драматическую, которая бы, въ конкуренцію обществу, приняла на себя охрану драматургическихъ правъ, собирала съ театровъ нспектакльные даны. За свою услугу «Союзъ» не снималъ бы съ авторскаго гонорара пѣночекъ, довольствовался бы малымъ, и въ этомъ былъ бы первый выигрышъ для драматурговъ, которые, правду сказать, за ничтожнымъ исключеніемъ, перебиваются съ хлѣба на квасъ. Да и то, что соберетъ «Союзъ», пойдетъ, по проекту, въ пенсіонную кассу, поможетъ создать эмеритуру для писателей. Второй выигрышъ. И организовать это новое дѣло «Союзу» не такъ уже трудно, такъ какъ у него члены разбросаны повсюду, и все люди, къ писательству прикосновенныя, а не такіе, что теперь состоятъ часто агентами по сбору нспектакльныхъ, но не состоятъ ни въ какой степени родства и свойства съ театромъ или литературою. Вотъ вамъ и третій выигрышъ. И ихъ довольно, чтобы не класть проектъ драматурга-анонима подъ сукно, но отнестись къ нему и внимательно, и съ сочувствіемъ. Дѣло предлагается осуществимое, и дѣло хорошее».

Вотъ все, что я хотѣлъ сказать по интересующему вопросу. Правильна ли моя точка зрѣнія или нѣтъ—предоставляю судить другимъ. Я лично остаюсь убѣжденнымъ сторонникомъ проекта организаціи секціи при Союзѣ Русскихъ Писателей.

Примите и пр. *М. Мироновъ*.

Членъ Союза Взаимоп. Русск. Писателей и Общ. Русск. Драм. Писателей.

О значеніи А. С. Пушкина въ русскомъ театрѣ.

(Рѣчь, читанная на торжественномъ засѣданіи Кіев. Литерат.-Арт. Общества).

Всѣ великіе поэты заплатили дань Мельпоменѣ, и Пушкинъ не составлялъ исключенія въ этомъ увлеченіи драматической поэзіей. Но для того, чтобы понять значеніе его драматическихъ произведеній въ исторіи русскаго театра, необходимо сдѣлать небольшое путешествіе въ область прошедшаго этого учрежденія. Въ первой главѣ поэмы „Евгеній Онѣгинъ“ есть въ этомъ случаѣ весьма характерныя строфы. Вотъ онѣ:

Волшебный край! тамъ въ стары годы,
Сатиры смѣлый властелинъ,
Блесталъ Фонъ-Визинъ, другъ свободы,
И переимчивый Княжнинъ;
Тамъ Озеровъ невольны дани
Народныхъ слезъ, рукоплескавй
Съ молодой Семеновой дѣлилъ;
Тамъ нашъ Катенинъ воскресилъ
Корнеля геній величавый;
Тамъ вывелъ колкій Шаховской
Своихъ комедій шумный рой;
Тамъ и Дидло вѣвчался славой;
Тамъ, тамъ подъ сѣвю кулись,
Младые дни мон неслись.

Если мы теперь развернемъ „Хронику петербургскихъ театровъ“ и просмотримъ репертуаръ за первую треть настоящаго столѣтїя, то окажется, что въ этихъ непогихъ строкахъ перечислены всѣ столпы тогдашняго драматическаго театра. Если къ Шаховскому прибавить Загоскина и Хмѣльницкаго, а къ Озерову и Катенину — Ильина, Гнѣдича и Ободовскаго, то списокъ будетъ полонъ и всѣ остальные, не исключая самого Пушкина, будутъ на сценическихъ подмосткахъ русскаго театра случайные гости. Что-же эти господа дали русской сценѣ, на которой ихъ произведенїя пользовались столь завидными преимуществами?

Даровитый Фонвизинъ, хотя и не былъ такимъ безкорыстнымъ „другомъ свободы“, какимъ представляетъ его Александръ Сергѣевичъ, но его рѣдкостная наблюдательность, острый сатирической умъ и несомнѣнное комическое дарованіе, въ связи съ глубоко-національнымъ складомъ всей его личности, доставили ему завидное право на званіе „отца русской комедїи“. Талин вообще посчастливилось. Между „Недорослемъ“ и „Ревизоромъ“, съ котораго Бѣлинскій начинаетъ свое театральное лѣтосчисленіе, русскій театръ видѣлъ нѣсколько хорошихъ, вполне русскихъ оригинальныхъ комедій. „Ябеда“ — Капниста, „Благородный театръ“ — Загоскина вполне отвѣчали условїямъ хорошаго сценическаго произведенїя, хотя злобная раздражительность Капниста кажется мелкой въ сравненїи съ убійственнымъ сарказмомъ „Горя отъ ума“, а веселость Загоскина представляется невиннымъ дѣтскимъ лепетомъ въ сравненїи съ гениальнымъ созданїемъ Гоголя. Но сравненїе — не доказательство. Жрецы русской Талии все же были умные, талантливые, наблюдательные люди, а Загоскинъ и Хмѣльницкїй къ тому же отлично владѣли рѣимованной русской рѣчью.

Далеко не такъ благополучно обстояло дѣло съ „русской трагедїей“. Съ легкой руки Алек. Вас. Сумарокова — творенїя „*господина* Расина“, Вольтера и обоихъ Корнелей сдѣлались недосыгаемыми идеалами для русскихъ драматическихъ авторовъ. Деликатное выраженїе Пушкина относительно Княжнина слѣдуетъ читать проще: подражательный. Вся дѣятельность Княжнина прошла въ погонѣ за чужимъ успѣхомъ, не даромъ же онъ былъ зятемъ Сумарокова, старшую дочь котораго онъ получилъ въ жены, какъ бы въ видѣ премии за трагедїю „Дидона“. Но самаго высокаго давленїя, если можно такъ выразиться, русская трагедїя достигла при Озеровѣ. Его „Димитрій Донской“ протянулъ руку „Магомету“ Вольтера по той беззавѣтной смѣлости полета авторской фанта-

Пушкинскїя празднества въ Таврическомъ дворцѣ.

«Алеко» опера Рахманова.

Г. Шаляпинъ. Г. Ершовъ. Г-жа Сїонницкая.

зи, съ которой оба историческія лица обрисованы въ пьесахъ. Но „невольны дани“ восторга избыточно выпадали на его долю, хотя онъ ли дѣлил ихъ съ „младой Семеновой“, или она съ нимъ, утверждать трудно, ибо когда въ 1826 году „младая Семенова“ стала пожилой и солидной княгиней Гагариной, то и „невольны дани“ значительно уменьшились. Что касается Катенина, то не знаю, воскресилъ ли онъ на русской сценѣ величавый геній Корнеля, но за то онъ воспиталъ для нея одного изъ самыхъ главныхъ ея дѣятелей — Василїя Андреевича Каратыгина. Фанатикъ театра, онъ даже пострадалъ за свои увлеченїя трагической музой, такъ какъ по жалобѣ той же Семеновой былъ высланъ гр. Милорадовичемъ изъ Петербурга, несмотря на личную извѣстность Государю и чинъ гвардіи полковника.

Наконецъ, князь Шаховской, соперникъ Катенина по обученїю русскихъ талантовъ, былъ весьма усердный, но не особенно даровитый писатель, комедїи котораго очень часто носили чисто-личный характеръ, осмѣивая непрїятныхъ ему людей въ самой откровенной и не замысловатой формѣ. Какъ примѣръ можно привести: „Липецкія воды“, „Новый Стерня“, изъ-за которыхъ Шаховского усердно тре-

пали арзамасы, съ Пушкинымъ во главѣ, не безъ основанія подозрѣвая, что вымышленные герои пьесъ слишкомъ легко подмѣняются дѣйствительными лицами, а Карамзинъ и Жуковский были слишкомъ дороги Арзамасу, чтобы онъ далъ ихъ въ обиду „театральному писаку“; Шаховской былъ переименованъ въ „Шутовского“ и цѣлый градъ эпиграммъ посыпался на его лысую голову. Таковъ театральнй Олимпъ времени Пушкина.

Водворившіяся на русской сценѣ подражанія французской ложно-классической трагедіи были слишкомъ далеки отъ всего историческаго уклада русской жизни, и не могли заинтересовать собой юнаго Пушкина. Одаренный живымъ воспримчивымъ умомъ, способностью чувствовать прекрасное, онъ живо отвернулся отъ мертворожденныхъ плодовъ подражанія, выдаваемыхъ за законныхъ дѣтей русской трагической музы. Его, одареннаго прирожденной любовью къ своей національности, любовью, одолевшей даже нерусское воспитаніе, не могли плѣнить Донские и Пожарскіе, разговаривавшіе языкомъ французскихъ маркизовъ. Онъ вмѣстѣ съ Онѣгинымъ отхлопывалъ въ театрѣ ладоши, когда Огюстъ дѣлалъ *entre chats* изъ девяти занесеній, но знакомый съ французской литературой въ подлинникъ „обшикивалъ“ Федру и Клеопатру, хотя бы потому, что ему казались немножко безвкусными и тяжеловѣсными обрусѣвшія классическія дамы въ исполненіи актрисъ того времени. Одной изъ лучшихъ актрисъ того времени, А. М. Колосовой, Пушкинъ посвятилъ слѣдующую эпиграмму:

Все плѣняетъ насъ въ Эсепри:
Упоительная рѣчь
Поступь важная въ порфирѣ,
Кудри черные до плечъ.
Голосъ вѣжнй, ваворъ любви,
Набѣленная рука,
Размалеванныя брови
И огромная нога!

Правда, Пушкинъ въ послѣдствіи въ посланіи къ Катенину покаялся передъ Ал. Мих. Колосовой, но выражался фигурально, „огромная нога“ театральной несообразности оттолкнула начинающаго входить въ славу поэта отъ русскаго драматическаго театра. Его отношенія къ театру были вызваны дружбой съ авторами и ухаживаніемъ за актрисами. Онъ раздѣлялъ это вмѣстѣ со всѣми современниками одинаковаго съ нимъ общественнаго положенія; для нихъ званіе „почетнаго гражданина кулисъ“ (въ частности балетныхъ) было наиболѣе лестнымъ изъ всѣхъ, которыхъ они добивались. Театръ, какъ самостоятельное художественное учрежденіе, не существовалъ, сцена была ярмаркой мелкихъ интригъ и самолюбій и участіе въ этой свалкѣ претило аристократической натурѣ поэта. Наконецъ, и вѣщія событія жизни Пушкина сложились настолько неблагоприятно, что онъ большую часть времени провелъ внѣ Петербурга, въ условіяхъ, далеко отвлекшихъ его отъ театра и его жрицъ и жрецовъ.

Мои богини! Что вы? Гдѣ вы?
Внемлите мой печальный гласъ:
Все тѣ-же-ль вы? Другія-ль дѣвы,
Смѣнивъ, не замѣнили васъ?

воскликаетъ Пушкинъ въ первой главѣ „Евгенія Онѣгина“, писанной, какъ извѣстно, далеко отъ Петербурга. Невоздержанный на языкъ, поэтъ за нѣсколько строчекъ письма, представляющихъ невинную браваду молодости, былъ исключенъ изъ службы и сосланъ подъ надзоръ въ родовое село Михайловское. Вынужденное уединеніе и бездѣятельность познакомили Пушкина съ русскими лѣтописями. Что это за лѣтописи, мы навѣрное не знаемъ, но годы эти были годами кипучей работы надъ памят-

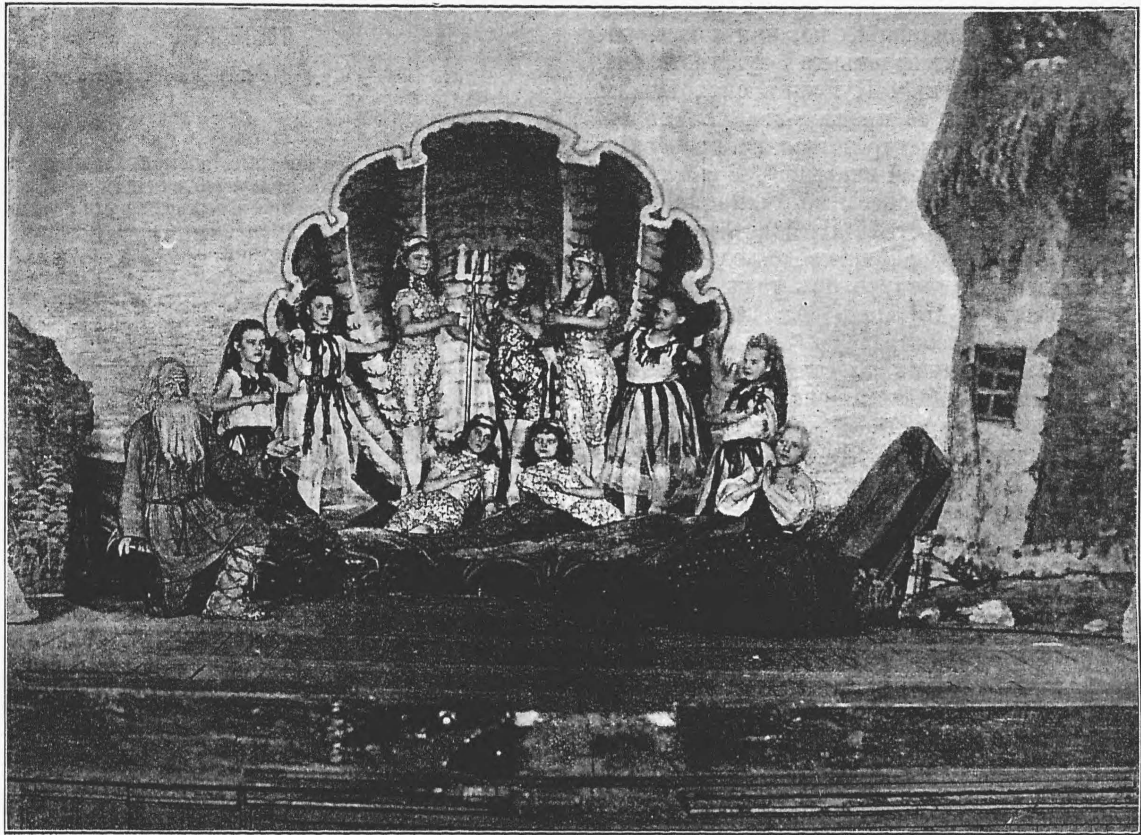
никами историческаго прошлаго, и Пушкинъ сталъ одинаково близокъ какъ къ Карамзину, такъ и къ Оленину и Мусину-Пушкину. Наконецъ, одни примѣчательнѣе къ Карамзиновской исторіи давали богатѣйшій матеріалъ историческихъ подлинниковъ. Простой и образный языкъ этихъ древне-русскихъ актовъ восхищалъ поэта, исключительная драматичность передаваемыхъ ими событій плѣняла его воображеніе, и созданіе „Бориса Годунова“ было рѣшено. Въ письмѣ къ Вяземскому изъ Михайловскаго отъ 13-го іюля 1825 года Пушкинъ сообщаетъ пріятелю: „Я принялъ такой литературный подвигъ, за который ты меня разцѣлуешь,—романтическую трагедію. Смотри, молчи же!“ А въ *poste scriptum* прибавляетъ: „Не могу вытерпѣть, чтобы не выписать ея заглавіе: „Комедія о настоящей бѣдѣ Московскому государству, о Царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ. Писалъ рабъ Божій Александръ сынъ Сергѣевъ Пушкинъ, въ лѣто 7333, на городищѣ Вороничѣ.“—Каково?“

Заглавіе, дѣйствительно, ничѣмъ не отличается отъ подлинныхъ лѣтописныхъ заглавій, въ родѣ: „Повѣсти о разореніи Московскаго Государства и всея Россійскія земли“—или—, „Сказанія и повѣсти, еже содѣяся въ царствующемъ градѣ Москвѣ и о разстригѣ Гришкѣ Отрепьевѣ“ и т. д.

По конструкціи пьеса напоминаетъ Шекспировскія хроники. Почему Пушкинъ выбралъ именно эту форму? Говорятъ, это есть результатъ изученія Шекспира. Дѣйствительно, онъ усердно, съ огромнымъ интересомъ занимался Шекспиромъ. Въ письмѣ къ Николаю Раевскому осенью того же года онъ пишетъ: „правдоподобіе положеній и истина разговоровъ—вотъ настоящіе законы трагедіи. Я не читалъ ни Кальдерона, ни Веги, но что за человекъ Шекспиръ! Не могу прійти въ себя“. Говоря дальше объ одностороннемъ развитіи героическаго элемента въ трагедіяхъ Байрона, Пушкинъ восклицаетъ: „Читайте Шекспира! Нисколько не боясь скомпрометировать свое дѣйствующее лицо, онъ заставляетъ его разговаривать съ полной непринужденностью жизни, ибо увѣренъ, что въ свое время и въ своемъ мѣстѣ оно найдетъ языкъ, соответствующій его характеру“. Здѣсь прямой намекъ на Шекспировскія хроники о короляхъ Генрихѣ IV и V, въ которыхъ происходитъ чудесная, гениально разрабатанная психологическая метаморфоза, превращающая суботильника Фальстафа, безпечнаго принца Гари, въ короля Генриха V. Но зналъ ли Пушкинъ Шекспира въ подлинникъ? Существуетъ предположеніе, обращающееся иногда въ увѣренность, что зналъ. Но самъ Пушкинъ въ письмѣ къ Вяземскому, одновременномъ съ письмомъ къ Н. Раевскому, т. е. когда трагедія „Борисъ Годуновъ“ заканчивалась, говоритъ: „Мнѣ нуженъ англійскій языкъ, и вотъ одна изъ невыгодъ моей снѣлки: не имѣю способвъ учиться, пока пора“.

Но въ какую бы сторону ни разрѣшился этотъ вопросъ, сужденія Пушкина о Шекспирѣ и его произведеніяхъ отличаются рѣдкой проникновенностью и глубокимъ пониманіемъ его значенія. Въ цитированномъ уже мною письмѣ къ Н. Раевскому, Пушкинъ опредѣляетъ характеръ своего произведенія: „Вы меня спросите, трагедія моя характерная или для костюмовъ? Я выбралъ наиболѣе удобный родъ, но стараюсь соединить оба. Я пишу и думаю. Большая часть сценъ требуетъ только разсужденія; когда же дохожу до сцены, требующей вдохновенія, то выжидаю, или перескакиваю черезъ нее. Я чувствую, что душа моя совѣмъ развернулась—я могу творить!“ Эти строки драгоценны для уясненія себѣ той необыкновенной для времени Пушкина и личной его исторической подготовки проникновенія въ жизнь Московскаго Государства начала XVII сто-

Пушкинскія празднества въ Таврическомъ Дворцѣ.

Апоэозъ. Сказка о «Золотой рыбкѣ».

лѣтня, которая обнаруживается въ нѣкоторыхъ сценахъ „Бориса Годунова“. Пушкинъ называлъ свою трагедію также романтической, исходя, вѣроятно, изъ ея полного несходства съ условными формами этого рода сценическихъ произведеній его времени. Въ сущности, это была ни „характерная“ или обстановочная пьеса, ни романтическая поэма въ лицахъ, вродѣ историческихъ пьесъ Кукольника, или не складной „Марьи Посадницы“ Погодина, это была первая типично-русская, реальная, историческая пьеса, а не фантастическая окрошка изъ историческихъ лицъ и положеній. Всякій, кто дастъ себѣ трудъ свѣрить такія сцены „Бориса“, какъ сцены на Дѣвичьемъ полѣ, въ корчмѣ на Литовской границѣ, сцена близъ Новгородъ-Сѣверска, передъ соборомъ въ Москвѣ, наконецъ всѣ сцены, гдѣ участвуетъ Самозванецъ, кромѣ знаменитой сцены „у фонтана“, носящей характеръ чистаго романтизма, съ подлинными рассказами современниковъ,— тотъ легко убѣдится, что болѣе вѣрнаго, болѣе живого воспроизведенія исторической эпохи трудно требовать отъ художника. Московской Русью XVII ст. со всѣмъ ея бытовымъ и психологическимъ укладомъ вѣсть отъ этихъ сценъ, насквозь проивнутыхъ глубоко-національнымъ творчествомъ генія и его горячей, искренней любовью къ родинѣ и ея далекому прошлому. Это, вѣроятно, и есть тѣ сцены, которыя Пушкинъ покидалъ, ожидая прилива вдохновенія, и продолжая облекать въ звучныя, красивые строфы, заранѣе обдуманнныя эффекты, въ привычномъ романтическомъ вкусѣ. Не буду входить въ разсмотрѣніе и оцѣнку „Бориса Годунова“ ни съ какой стороны, все это уже сдѣлано другими. Позволю себѣ сказать только, что достоинства этого произведенія принадлежатъ таланту ея автора, а его

недостатки исключительно его времени. Выбравъ форму исторической хроники, единственно дававшей полный просторъ его творчеству, Пушкинъ, очевидно, вовсе не думалъ о театрѣ, о необходимости считаться съ его условіями. То, что было возможно во времена Шекспира, гдѣ обстановка создавалась въ головѣ зрителя, то оказалось бы совсѣмъ неосуществимо на сценахъ XIX ст. Но Пушкинъ, кажется, и не думалъ объ этомъ, такъ какъ на всемъ протяженіи его изданной переписки онъ ни разу не обмолвился словомъ о своемъ желаніи видѣть „Бориса“ на сценѣ. Онъ смотрѣлъ на него, какъ на произведеніе чисто-литературное и этотъ взглядъ раздѣлялся многими. Недаромъ даже цензоръ Пушкина Императоръ Николай I замѣтилъ, что „цѣль была бы болѣе выполнена, если-бъ пьеса была передѣлана въ историческій романъ, на подобіе романовъ Вальтеръ-Скотта“, а III-е отдѣленіе собственной Его Величества канцеляріи находило, что „въ пьесѣ нѣтъ ничего цѣльнаго, что это отрывки изъ X-го и XI-го томовъ исторіи Карамзина, передѣланные въ разговоры“. Пьеса не имѣла въ публикѣ даже обычнаго успѣха пушкинскихъ произведеній. Г. Загоскинъ, тогда еще не написавшій своего „Юрія Милославскаго“, предложилъ промѣнять, появившуюся въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ сцену „въ кельѣ Чудова Монастыря“ на картинку „Дамскаго Журнала“, а появленіе самой пьесы пріѣтствовало слѣдующими виршами:

И Пушкинъ сталъ ужъ скученъ,
И Пушкинъ надобѣль.
И стихъ его не звученъ,
И геній отлетѣлъ!
„Бориса Годунова“
Онъ выпустилъ въ народъ,
Печальная обнова
Увы! на Новый Годъ!

Пушкинъ былъ глубоко правъ, когда писалъ: „съ отвращеніемъ рѣшаюсъ выдать въ свѣтъ „Бориса Годунова“; и хотя я довольно равнодушенъ къ успѣху или неудачѣ своихъ сочиненій, но, признаюсъ, неудача „Бориса Годунова“ будетъ мнѣ чувствительна, а я въ ней почти увѣренъ“. Пушкинъ смотрѣлъ на „Бориса Годунова“ какъ на произведеніе, успѣхъ или неудача котораго должны отразиться на преобразованіи „нашей драматической системы“. Боллся, чтобы собственные недостатки пьесы не были приписаны тому направленію творчества (Пушкинъ называлъ его романтизмомъ), которое они представляютъ, т. е. къ тому направленію, которое онъ такъ поощрялъ въ Гоголь. „Ревизору“ суждено было явиться дѣйствительнымъ преобразователемъ „драматической нашей системы“, сдѣлавъ въ области комедіи нравовъ то, что не удалось достигнуть „Борису Годунову“ въ области исторической драмы. Пушкинъ не видѣлъ своего „Годунова“ на сценѣ. Первое представленіе этой трагедіи въ Петербургѣ состоялось черезъ 33 года послѣ смерти поэта, когда у дирекціи петербургскихъ театровъ остались декорации отъ „Смерти Іоанна Грознаго“, нашелся досужій челоѣкъ „приспособившій“ Бориса для представленія на сценѣ, а знаменитый В. В. Самойловъ, не имѣвшій особеннаго успѣха въ роли Грознаго, рѣшился сыграть Самозванца. Пьеса успѣха не имѣла, а исполненіе аттестовано: „посредственнымъ“. Театръ въ 3¹/₂ столѣтія своего существованія не ушедшій въ искусственныхъ приспособленіяхъ сцены дальше плотника, тянущаго за конецъ веревки, перекинутой черезъ деревянный блокъ, разумѣется, находилъ пьесу неподходящей по „трудности постановки“, и всячески отъ нея открепчивался. „Борисъ Годуновъ“ мирно покрывался пылью въ театральныхъ бібліотекахъ въ качествѣ „классическаго“, но „неудобнаго къ сценическому исполненію“ произведенія. Такъ какъ со спекулятивно-просвѣщенной точки зрѣнія русской театральной промышленности удобными для постановки и исполненія на сценѣ признавались и признаются лишь такіа произведенія, на которыхъ съ грошеомъ амуниции можно приобрести амбиціи по крайней мѣрѣ на десять цѣлковыхъ, тоя почти увѣренъ, что большинство здѣсь присутствующихъ никогда не видѣло „Бориса Годунова“ на сценѣ всего! А между тѣмъ на школьной скамьѣ, на первыхъ же урокахъ изящной словесности намъ говорятъ объ его значеніи въ русской литературѣ, объ его рѣдкихъ художественныхъ достоинствахъ... Для русскаго театра „Борисъ Годуновъ“—въ полномъ смыслѣ слова пьеса будущаго.

Будемъ же надѣяться, что достойная постановка пушкинской трагедіи будетъ одной изъ первыхъ задачъ нарождающагося постепенно русскаго народно-художественнаго театра!

Н. Николаевъ.

Прежняя и существующая системы вознагражденія артистовъ драматическихъ труппъ Императорскихъ театровъ.

(Къ вопросу о реформѣ Императорскихъ театровъ).

(Окончаніе).

Полное отрицаніе системы поснектакльнаго вознагражденія, конечно, слѣдуетъ считать крайностью, въ которую впала коммисія, такъ какъ эта система всегда практиковалась и практикуется до сего времени на большей части сценъ западной Европы, не оказывая губительнаго вліянія на общій ходъ художественной жизни театровъ. Западная система вознагражденія артистовъ различалась главнымъ образомъ отъ нашей тѣмъ, что основной окладъ, получаемый артистомъ по равнымъ частямъ мѣсяцевъ года или сезона (въ зависимости отъ условій службы) всегда превращался годовой или сезонный размѣръ вознагражденія, который артистъ могъ получить отъ поснектакльной платы.

Хотя въ основу западной системы и положена мысль о вознагражденіи артиста, пропорціонально его работѣ, но она очень далека отъ идеала, уже потому, что умѣряетъ художественную работу артиста такими же пріемами, какіе примѣняются для измѣренія работы ремесленной.

Нѣтъ сомнѣнія, что коммисія, вводя новую систему вознагражденія, имѣла въ виду неличный составъ драматическихъ труппъ, сильныхъ своими традиціями, своей горичей любовью къ сценическому искусству; если бы случайная причина нарушила эти прекрасныя качества Императорскихъ драматическихъ труппъ, то новая система вознагражденія, крайне усложняя дѣло веденія репертуара, могла бы привести къ результатамъ совершенно противоположнымъ.

Мы склонны думать, что дирекція Императорскихъ театровъ отнеслась нѣсколько скептически къ рѣшеніямъ коммисіи, такъ какъ новая система была примѣнена лишь къ русскимъ драматическимъ труппамъ, что же касается до иностранныхъ, то артисты этихъ труппъ вознаграждались по системѣ западныхъ театровъ.

Можетъ показаться страннымъ, что, сознавая пригодность западной системы Дирекція поснектакльнаго вознагражденія, однако, не ввела въ русскія труппы.

Доводы коммисіи относительно невыгоднаго вліянія системы бенефиснаго вознагражденія артистовъ на общій характеръ репертуара, вѣроятно, не были приняты къ свѣдѣнію, такъ какъ для иностранныхъ труппъ это вознагражденіе отмѣнено не было.

Опытъ протекшихъ семнадцати лѣтъ можетъ быть вполне достаточнымъ для того, чтобы судить права ли была Дирекція.

Михайловскій театръ, пѣкогда соперничавшій своимъ репертуаромъ съ „домомъ Мольера“, постепенно, благодаря бенефисной системѣ, дошелъ до положенія сцены, исполняющей по преимуществу фарсы. Частыя перемѣны личнаго состава французской труппы, комплектуемой артистами самыхъ разнообразныхъ вкусовъ и направленій, не могли способствовать сохраненію въ ней серьезныхъ традицій прежняго времени.

Михайловскій театръ своимъ „легкимъ“ репертуаромъ настолько измѣнилъ взгляды и вкусы публики, что случайно поставленная серьезная пьеса уже не можетъ, какъ прежде, собрать полный зрительный залъ.

Въ виду слуховъ, появившихся въ печати, на спеціальному журналѣ лежитъ обязанность выяснитъ вопросъ о томъ, насколько возможенъ, насколько логиченъ можетъ быть поворотъ отъ существующаго способа вознагражденія—къ старому. Такъ какъ появившіеся слухи говорятъ лишь о возстановленіи системы поснектакльной платы, то мы и остановимся на разборѣ только этого вопроса, убѣжденные въ томъ, что система бенефиснаго вознагражденія, хотя и представляется весьма заманчивой въ экономическомъ отношеніи, но не можетъ быть возстановлена уже потому, что вредъ, наносимый ею репертуару, слишкомъ очевиденъ.

Возвращеніе къ системѣ поснектакльнаго вознагражденія можетъ быть интересно для Дирекціи либо по художественнымъ, либо по административнымъ, либо по экономическимъ соображеніямъ.

Постараемся освѣтитъ этотъ вопросъ съ этихъ трехъ точекъ.

При существующей системѣ актерскаго вознагражденія, размѣръ котораго не находится въ прямой непосредственной зависимости отъ количества разъ его участія въ спектакляхъ, артистъ имѣетъ полную возможность отклонить отъ себя исполненіе тѣхъ ролей, которыя онъ находитъ

несоответствующими своему амплу или своимъ силамъ, или своимъ способностямъ; такое серьезное отношеніе артиста къ искусству, конечно, должно быть поставлено ему въ заслугу; быть можетъ, при существованіи поспектакльнаго вознагражденія, необходимость заработать деньги вынудила бы артиста исполнять и „вскія“, поручаемыя ему роли, но такого рода работа носила бы уже характеръ ремесленный; вводя артиста въ соблазнъ получить за исполненіе роли нѣкоторое количество лишнихъ рублей, поспектакльная плата ваталкиваетъ его на измѣреніе и оцѣнку ролей количествомъ денегъ, могущихъ быть вырученными отъ исполненія ихъ.

Какъ институтъ художественный, Императорскій театръ всѣми зависящими отъ него средствами долженъ поддерживать художественность отношеній къ искусству, а не сводить артистическую работу на степень работы ремесленной, что имѣетъ мѣсто при уплатѣ артисту денегъ за каждый вечеръ, потраченный имъ на театръ.

Сторонники поспектакльнаго вознагражденія обыкновенно любятъ указывать на то, что вознагражденіе это, какъ пропорціональное работѣ артиста, слѣдуетъ считать болѣе справедливымъ, но, думается, такая погоня за абсолютной справедливостью едва ли достойна серьезнаго вниманія.

Указываютъ на то, что отсутствіе поспектакльнаго вознагражденія вызываетъ постоянное уклоненіе артистовъ отъ работы, что уклоненіе это артисты стараются прикрыть художественными соображеніями, хотя въ дѣйствительности причину слѣдуетъ искать въ лѣности.

Наши продолжительныя наблюденія надъ артистами драматической труппы московскаго Малаго театра даютъ намъ право сказать, что такое обвиненіе голословно и не основательно, хотя зачастую оно высказывается и лицами близко стоящими къ дѣлу. Намъ несравненно чаще приходилось слышать о просьбахъ, касающихся исполненія ролей, нежели отказы отъ нихъ, причемъ отказъ отъ роли всегда мотивировался вполне убѣдительными доводами, совершенно далекими отъ того, чтобы ихъ можно было заподозрить въ подтасовкѣ.

Такъ какъ цифры всегда говорятъ болѣе убѣдительно, болѣе краснорѣчиво, то мы, въ подтвержденіе сказаннаго, приведемъ цифровыя данныя. Хотя имѣющіяся у насъ свѣдѣнія касаются работы артистовъ московскаго Малаго театра, но намъ кажется, что нѣтъ никакихъ основаній высказывать сомнѣніе относительно того, что данныя по петербургской драматической труппѣ не говорятъ того же самаго, такъ какъ и эта труппа всегда отличалась любовью къ театральному искусству и серьезнымъ отношеніемъ къ своимъ обязанностямъ.

Для того, чтобы избѣжать причинъ, могущихъ имѣть случайное вліяніе (составъ репертуара, переходъ артиста на новое амплу, потеря силъ, болѣзнь...), нами взяты цифровыя данныя, касающіяся работы премьеровъ драматической труппы за годы близко отстоящіе другъ отъ друга; мы сравнимъ количество разъ участія этихъ артистовъ въ 1881 г. (последній годъ до реформы 1882 г.) съ таковымъ же количествомъ ихъ участія въ теченіи 1883 г. (годъ, непосредственно слѣдующій за годомъ преобразованій).

Если взять работу слѣдующихъ артистокъ и артистовъ московскаго Малаго театра: г-жѣ Акимовой, Медвѣдовой, Фетодовой, Ермоловой, Садовской и Никулиной, гг. Самарина, Рыбакова, Макшеева, Музила, Правдина, Садовскаго и Рѣшимова, то все количество ихъ участій въ спектакляхъ 1881 года выражается цифрой 1166, для 1883 года эта цифра будетъ 1162, а, слѣдовательно, среднее количество участій въ спектакляхъ для каждаго изъ приведенныхъ артистовъ будетъ для 1881 г.—89,69, а для 1883 г.—89,38; разность между этими числами выражается только дробью 0,31, т. е. такой величиной, отбросивъ которую можно сказать почти достоверно, что измѣненіе системы вознагражденія не имѣло вліянія на количество участій артистовъ, занимавшихъ въ труппѣ центральныя мѣста.

Мы смѣемъ думать, что приведенныя цифры достаточно опровергаютъ несправедливое обвиненіе въ легкомъ отношеніи артистовъ къ дѣлу, которому они служатъ, а, слѣдовательно, и мнѣніе о томъ, что существующая система вознагражденія неблагоприятно вліяетъ на художественность исполненія пьесъ, слѣдуетъ считать совершенно необоснованнымъ.

Если бы количество разоваго участія артистовъ въ спектакляхъ до 1882 г. было бы нѣсколько болѣе, нежели въ годы послѣ реформы, то даже и въ этомъ случаѣ разность не могла бы служить указаніемъ на умышленное уклоненіе артистовъ отъ работы, а служило бы лишь указаніемъ на то, что у артистовъ явилась возможность болѣе художественно отнестись къ выбору ролей, избѣгая тѣхъ изъ нихъ, которыя хотя и не подходили къ ихъ дарованію и амплу, но тѣмъ не менѣе исполнялись ими въ дореформенный періодъ только въ силу необходимости.

Остается упомянуть о лицахъ, видящихъ въ системѣ поспектакльнаго платѣ средство къ дисциплинированію артистовъ.

Систематическое неназначеніе артиста на афишу, равно какъ и усиленное его назначеніе, существенно вліяетъ (при поспектакльной платѣ) на размѣръ вознагражденія, несомнѣнно даетъ въ руки администраціи могущественное средство для содержанія артистовъ „въ ежовыхъ рукавицахъ“. Умышленное примѣненіе такого рода мѣръ является разновидностью произвола.

Примѣненіе „негласныхъ“ мѣръ взыскація совершенно ненужно уже потому, что въ распоряженіи театральной администраціи всегда имѣются различнаго рода „гласныя“ правила и положенія, которыя можно измѣнить сообразно потребностямъ времени и указаніямъ опыта.

Переходя къ опѣннѣ вопроса съ экономической точки зрѣнія, мы можемъ сказать, что примѣненіе къ драматическимъ труппамъ системы поспектакльнаго вознагражденія, по нашему мнѣнію, не можетъ дать какого либо уменьшенія расхода на содержаніе этихъ труппъ. Мы склоняемся наоборотъ къ тому предположенію, что мѣра эта легко можетъ еще болѣе увеличить расходы, хотя бы по одному тому, что разовые оклады пришлось бы значительно повысить сравнительно съ прежнимъ размѣромъ.

Въ окончательномъ выводѣ слѣдуетъ заключить, что: 1) при наличности существующаго состава драматическихъ труппъ, заявившихъ себя вполне добросовѣстнымъ и вполне художественнымъ отношеніемъ къ театральному искусству, нѣтъ никакихъ основаній къ измѣненію существующей системы вознагражденія. 2) Если бы какія либо соображенія поставили Дирекцію въ необходимость ввести систему поспектакльнаго вознагражденія для артистовъ драматическихъ труппъ, то система эта нанесла бы серьезный ущербъ художественной сторонѣ театровъ. 3) Возстановленіе поспектакльной платѣ въ цѣляхъ административнаго воздѣйствія на артистовъ, нельзя отнести къ мѣрамъ вполне удобнымъ для такого художественнаго установленія, которымъ слѣдуетъ считать Дирекцію Императорскихъ театровъ.

П. П.

ХРОНИКА

театра и искусства.

Наслѣдники гр. Алексѣя Толстого вышли изъ состава членовъ Общества драматическихъ писателей, поэтому постановка пьесъ гр. А. Толстого зависитъ отъ спеціальнаго разрѣшенія наслѣдниковъ. Такъ, „Царь Феодоръ“ отданъ г. Соловцову (Кіевъ и Одесса), г. Синельникову (Казань), г. Крылову (Новочеркасскъ) и др. за 10% съ валоваго сбора и при условіи извѣстнаго количества представлений въ сезонъ. Этимъ путемъ наслѣдники гр. А. Толстого за одного „Царя Феодора“ получаютъ, какъ говорятъ, въ годъ около 40.000 рублей.

* * *

Г-жа Пасхалова, какъ сообщаетъ „Жизнь и Искус.“, подала на-дняхъ прошеніе о разводѣ на Высочайшее имя, и застраховала свою жизнь въ 20 тысячъ.

* * *

Съ будущаго учебнаго года театральное училище московскаго Филармоническаго общества подвергнется существенной реформѣ. Мѣсто теперешнихъ 3 курсовъ, въ училищѣ ихъ будетъ 4. Кроме того съ будущаго года въ училищѣ вводится новый предметъ—преподаваніе грима, а также и исторія литературы и исторія культуры.

* * *

Поэзія и музыка—родныя сестры и вліяніе поэзіи на музыку крайне велико. Еще у древнихъ писателей мы находимъ множество указаній на поразительное дѣйствіе музыки, являющееся результатомъ взаимодѣйствія музыки и поэзіи. Затѣмъ, начиная съ XI вѣка и почти до конца XVI, тексты при музыкѣ имѣли второстепенное значеніе. Только въ самомъ концѣ XVI вѣка италянскіе гуманисты обратили вниманіе на литературную сторону музыкальныхъ текстовъ. Съ этого времени начинается несомнѣнное вліяніе поэзіи на музыку, продолжающееся до нашихъ дней. Стоитъ только припомнить Листа, чтобы вполне понять это вліяніе. Въ его музыкальныхъ произ-

ПУШК. ПРАЗДНЕСТВА ВЪ ТАВРИЧ. ДВОРЦѢ.

«Алеко» опера Рахманинова.
Г. Ершовъ въ роли Алеко.

неденякъ Викторъ Гюго, а позднѣе и Ламартина, — отразились со всѣми своими типическими особенностями романтизма.

Такое же отраженіе поэзіи въ музыкѣ мы находимъ и у русскихъ композиторовъ. Вольше всѣхъ воздѣйствовалъ, разумѣется, Пушкинъ. Воздѣйствіе Пушкина на музыку началось, впрочемъ, послѣ смерти поэта, такъ какъ при жизни его не было ни одного серьезнаго композитора. Бортнянскій писалъ только на религіозныя темы, а Глинка былъ занятъ своей оперой „Жизнь за Царя“. Только послѣ смерти Пушкина, Глинка имѣлъ возможность приняться за оперу на сюжетъ поэмы „Русланъ и Людмила“. Этой оперой, собственно, и начинается непосредственное воздѣйствіе Пушкина на русскую музыку. За Глинкой слѣдовали Даргомыжскій, Чайковскій, Римскій-Корсаковъ и рядъ другихъ композиторовъ, въ произведеніяхъ которыхъ несомнѣнно отразилась и форма, и звучность стиха Пушкина.

Послѣдними операми русскихъ композиторовъ, написанныхъ на текстъ Пушкина, были „Алеко“ Рахманинова и „Бахчисарайскій фонтанъ“ Арнскаго. Обѣ оперы исполнялись на Пушкинскомъ праздникѣ въ Таврическомъ дворцѣ, 27 мая. Либретто „Алеко“ сокомпановано Вл. Пемировичемъ-Даченко довольно удачно изъ „Цыганъ“ Пушкина, съ сохраненіемъ многихъ Пушкинскихъ стиховъ. Музыка оперы оригинальна, хотя мѣстами и представляетъ смѣсь разныхъ стилей. Замѣтно также нѣкоторое вліяніе Беллини и Свѣрова. Однако, наиболѣе удачны у г-на Рахманинова тѣ мѣста, гдѣ онъ старался быть самостоятельнымъ и самостоятельнымъ. „Алеко“ шелъ на сценѣ московскаго Большаго театра, но почему-то быстро сошелъ съ ренертуара. Въ общемъ, опера имѣла крупный успѣхъ, и какъ композитора, такъ и г-жу Сюницкую (Земфира) и г. Шаллипа (Алеко) и Ершова (молодой цыганъ) публика дружно вызывала.

Въ „Бахчисарайскомъ фонтанѣ“ г. Арнскаго подражаетъ всѣмъ понемногу: и Шуману, и Глинкѣ, и Мендельсону и др. Самобытнаго въ произведеніи у г. Арнскаго немного. Но первоклассный компанистъ и инструментаторъ сказались въ этомъ произведеніи г. Арнскаго, какъ и во многихъ другихъ.

* * *

Намъ пишутъ изъ Москвы. Въ закрытомъ театрѣ Омона играетъ вѣнская опереточная труппа Сополи, неимѣющая особаго успѣха. Впрочемъ, есгь хорошая пѣвица Ганси Рейксбергъ. Интересъ къ спектаклямъ значительно усилился съ прїѣздомъ извѣстнаго тенора Карла Штрейтмана. Съ перваго іюня начинаются спектакли русской оперетки. Другой закрытый театръ „Олимпія“, въ которомъ подвизаются разные иностранныя „звѣзды“, дѣлаетъ хорошіе сборы. Садовая программа разнообразна. Садъ ежедневно пополненъ публикой.

Въ Богородскомъ (товарищество Р. Р. Вейхеля) открылись „Безъ вины виноватыми“, съ приглашенной на этотъ спектакль г-жи Журавлевой. Сборъ былъ хорошій. Остальные спектакли прошли при крайне слабыхъ сборахъ. Въ труппѣ состоятъ г-жи Полякова, Свободина, Матросова, гг. Песмѣльскій, Кондратьевъ, Колобовъ.

Въ Пушкинѣ—антреприза А. А. Разсказова—спектакли открылись 23 мая „Скандаломъ въ благородномъ семействѣ“. Пьеса была весело разыграна г-жами Пальминой, Кварталовой и г. Разсказовымъ, Галицкимъ и Вушманомъ. Передъ комедіей малорусская артистка г-жа Волрская пробовала свои силы на русской сценѣ въ монологѣ „Мать-преступница“. Опытъ оказался неудачнымъ. Къ ся акценту, особенно въ Москвѣ, публика не привыкнетъ.

Въ Кушнѣ (товарищество К. П. Красновой) для открытія поставлены были „Безъ вины виноватые“ Островскаго. Выдѣлились г-жи Краснова, Перфильева и гг. Михайловскій и Вишневецкій.

Въ Царицынѣ (антреприза г. Захарасъ) для открытія шелъ „Душка Анатолю“. Выступили г-жи Казина и г. Морозовъ. Вездѣ сборы слабые, благодаря холодной и дождливой погодѣ.

Интернациональный театръ арендованъ у г. Шульца М. П. Пикитиной (режиссеръ А. Ф. Влюменталь-Тамаринъ) съ Рождества для оперетки. До Рождества труппа г-жи Пикитиной будетъ играть въ Петербургѣ, въ театрѣ Пеметти.

Москва.

* * *

Намъ пишутъ изъ Тулы. Антреприза В. П. Фриде (оперетка) окончилась неудачно. Вслѣдствіе неплатежа жалованья артистамъ—театръ закрытъ.

* * *

30-го мая, въ 7 часовъ вечера, скончался отъ болѣзни легкихъ помощникъ цензора петербургскаго комитета драматической цензуры Иванъ Николаевичъ Шигаевъ. По окончаніи курса въ с.-петербургскомъ университетѣ въ 1889 г., покойный началъ службу въ канцеляріи правительствующаго сената, а черезъ три года былъ причисленъ кандидатомъ на судебныя должности при московскомъ окружномъ судѣ. Въ 1892 г. онъ перешелъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ, гдѣ одно время занималъ должность помощника секретари с.-петербургскаго цензурнаго комитета, а въ 1895 г. былъ назначенъ помощникомъ цензора драматической цензуры.

Всѣ, знавшіе покойнаго И. П.—а знали его и авторы, и артисты, и театральные предприниматели—сохранили объ этомъ безвременно скончавшемся человѣкѣ (покойному было 34 г.) самое лучшее воспоминаніе. И. П. Шигаевъ былъ человѣкъ отзывчивый, съ литературнымъ вкусомъ и художественнымъ чувствомъ. Въ такомъ отзывчивомъ и крайне щекотливомъ дѣлѣ, какъ драматическая цензура, неизбѣжный вкусъ покойнаго являлся надежнымъ подспорьемъ его цензорскихъ обязанностей и опорой добрыхъ авторскихъ намѣреній.

Миръ праху этого симпатичнаго труженника! Кто знаетъ колоссальныя размѣры, до которыхъ разрослась театр аль-

† И. П. Шигаевъ.

ная цензура, при крайне ограниченном штатѣ—два три человека,—тотъ пойметъ, что работа цензора драматическихъ сочиненій требуетъ огромнаго напряженія силъ и энергій. Расширеніе штатовъ драматической цензуры—вопросъ давно назрѣвшій, и реформа эта ожидается съ нетерпѣніемъ.

* * *

Въ Ораніенбаумѣ принимаетъ участіе г-жа Яворская. Съ участіемъ ея шли: «Татьяна Рѣпина», «Заза» и «Маргарита Готье». Исполненіе осталось прежнимъ, если только не ухудшилось, вслѣдствіе еще большей аффектаціи. Оставалось только радоваться за г. Тинскаго, которому спектакли даютъ хорошіе сборы.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о другихъ исполнителяхъ въ «Заза». Г. Тинскій—великолѣпный Каскарь. Чѣмъ больше я смотрю этого артиста, тѣмъ все болѣе и болѣе нахожу въ немъ достоинствъ. Г. Юрьевъ въ роли Дюфрена производитъ въ общемъ вполне благопріятное впечатлѣніе. Его Дюфренъ уменъ, молодъ, хотя и не всегда изященъ. Не доставало г. Юрьеву того лоска и блеска, которые давалъ Далматовъ въ этой роли, но зато IV-й актъ по силѣ и подъему вышелъ у г. Юрьева очень удачнымъ. *В. А. Линскій.*

* * *

Дѣла труппы подъ управленіемъ г. Ленни въ московскомъ театрѣ «Эрмитажъ» идутъ весьма недурно—около 600 р. на кругъ. 27 и 28 мая состоялись обычные спектакли, причемъ публикѣ отъ дирекціи розданы были на память о «Пушкинскихъ дняхъ» особые жетоны съ портретомъ Пушкина и юбилейной датой. Известный процентъ сбора съ этихъ спектаклей отчисленъ въ фондъ на сооруженіе памятника Пушкину въ Петербургѣ.

* * *

Турне «Царя Ѳедора» сопровождается всюду крупнымъ успѣхомъ. Въ Николаевѣ за два спектакля, какъ намъ пишутъ, взято 1300 р. Изъ Одессы телеграфируютъ, что г. Сибиряковъ не далъ городскаго театра за 600 р. вечеровой платы. Пришлось играть въ «Рус. Театрѣ». У г. Сибирякова можетъ быть имѣются свои соображенія, но, вообще, крайне печально, когда театры находятся въ зависимости отъ сибиряковъ, остяковъ и камчадаловъ.

* * *

Въ воскресенье на сценѣ театра «Озерки» шла пьеса г. Ге «Казнь». Сценическіе эффекты пьесы, видимо, понравились публикѣ, тѣмъ болѣе, что исполненіе г-жи Холмской, гг. Звѣдича, Михайлова, Анчарова-Эльстона и др. отличалось несомнѣнными достоинствами. Для того, чтобы придать сценическимъ положеніямъ «Казни» характеръ психологическаго вѣроятія, необходимо выдвинуть роль Викентія на нѣкоторую идеальную высоту. Можно разумѣть подъ нимъ «толстоца»—вообще, какуюнибудь интересную разновидность матушасяго интеллигента. Тогда становится понятнымъ увлеченіе Кеты и ея перерожденіе, подъ влияніемъ Викентія. Исполненіе должно восполнять недостатки пьесы, разъ пьеса такъ соблазнительна своими сценическими эффектами для артистовъ.

Изъ другихъ спектаклей, шедшихъ въ «Озеркахъ», отмѣтимъ прекрасное исполненіе комедіи «Счастливцевъ». *Н.*

* * *

Въ «Донской Рѣчѣ» г. Согапжѣевъ, одинъ изъ «облѣзденыхъ корреспондентовъ» по театральному дѣлу—выпче завелись такіе—жалуются на насъ за то, что мы перестали печатать его корреспонденціи. Признаемся, крайне оригинальная претензія и весьма странно, что почтенная газета удѣляетъ такимъ претензіямъ мѣсто. Мы перестаемъ печатать очень многихъ, которые перестаютъ намъ нравиться. Это довольно просто. Г. Согапжѣевъ высказываетъ убѣжденіе, что корреспондентіи его перестали появляться, потому что С. И. Крыловъ и Н. Н. Синельниковъ настаивали на этомъ. Никто на этомъ не настаивалъ и объ устраненіи г. Согапжѣева не просилъ.

Покорнѣйше просимъ «Донскую Рѣчъ» напечатать, что въ лицѣ г. Согапжѣева мы совсѣмъ не приписали испуительной жертвы, и что со стороны послѣдняго большое заблужденіе думать, будто онъ «пострадалъ за правду».

* * *

Садъ Тумпанова. Сцены въ 5 д. «По гривенничку за рубль», поставленныя 31 мая, имѣли весьма сомнительный успѣхъ, несмотря на очень приличное исполненіе. Завязка пьесы довольно удачная и первые два акта смотрятся съ нѣкоторымъ интересомъ, но затѣмъ—по мѣрѣ развитія дѣйствія—этотъ интерес значительно ослабѣваетъ. Притомъ же пьеса сильно растягнута. Въ свое время объ этой пьесѣ, впрочемъ, былъ данъ отчетъ. Среди исполнителей отмѣтимъ г-жу Соколову (Лена) и г. Бредова (Николай), имѣвшихъ значительный успѣхъ. Г-жа Ивановская играла Глыбину просто и безъ осо-

быхъ подчеркиваній, чего нельзя сказать про г-жу Кудрявцеву (Полушкина), которая съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, добивалась «ухода». Веселый Сладкопѣвецъ—г. Егоровъ. Гг. Августовъ (Гроховскій), Митрофановъ (Жмыховъ) и Войтовскій (Холмовъ) старательно отнеслись къ своимъ ролямъ, хотя изъ ничего—ничего и не сдѣлаешь. *Н. У.*

* * *

Невское общество. Въ воскресенье, 30 мая, на сценѣ Невскаго общества устройства народныхъ развлеченій была поставлена комедія Шекспира «Виндзорскія проказницы». Мнѣ въ первый разъ пришлось видѣть пьесу Шекспира на сценѣ народнаго театра и поэтому понятно, что меня больше всего интересовало отношеніе зрителей къ остроумію и шуткамъ Шекспира. Казалось сомнительнымъ, чтобы народъ былъ способенъ понять тонкій юморъ, которымъ блещетъ комедія. Однако, дѣйствительность меня пріятно разочаровала, ибо такихъ единодушныхъ взрывовъ хохота мнѣ не приходилось слышать ни разу ни въ одномъ театрѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ исполнители даже должны были дѣлать паузы, чтобы дать затихнуть общему хохоту. Самое исполненіе оставило вполне благопріятное впечатлѣніе, особенно если принять во вниманіе характерное неумѣніе русскихъ артистовъ вообще играть комедіи Шекспира. Знаніе ролей, приличная читка стиховъ, буффъ, нѣкоторая живость въ исполненіи—вотъ и все, что можно потребовать на открытой сценѣ отъ исполнителей комедій Шекспира. Въ этомъ отношеніи г-жи Рене, Погребова, Самойлова, Изюмова и гг. Свѣтловъ, Алексинъ и Боярскій заслуживаютъ полной похвалы.

Въ непродолжительномъ времени будутъ поставлены: «Зимняя сказка», «Король лиръ», «Отелло» и «Гамлетъ». Великое спасибо режиссеру за то, что онъ придерживается такого художественнаго репертуара! *Н. У.*

* * *

30 мая открылись спектакли во второмъ Парголовѣ. Маленькій театрикъ у озера. Третій сезонъ играетъ труппа подъ управленіемъ Н. М. Михайлова. Для открытія шли «Безъ вины виноватые». Сборъ слабый. Для этой комедіи нужны большія силы и крупныя дарованія. Исполненіе было только приличное. Г-жа Даевичъ (Кручинина) очень молода для матери, у которой двадцатилѣтній сынъ, и очень молода для такой серьезной роли.

Недуренъ г. Микулинъ да г. Судьбинъ (Шмага) и г-жа Михайлова (Галчиха). Г-жа Карьева (Коринкина) изображала скорѣе благонравную пансіонерку, «дѣвочку-пай».

Умолчимъ о г. Соколовѣ (Муровъ) и г. Бухаринѣ (Дубкинѣ). Замѣтимъ лишь, что таланты отъ Бога, а ходитъ по сценѣ—«отъ рукъ» режиссера! *Л. Т.*

* * *

Для открытія драматическихъ спектаклей на сценѣ Лиговскаго Драматическаго Кружка Любителей была поставлена пьеса въ 4 д. «Порывъ любви» соч. Мухина. Изъ исполнителей слѣдуетъ отмѣтить г-жу Романовскую и г. Красовскаго. Недуренъ мѣстами былъ г. Днѣпровъ. Пьеса срепетована ангаждо и имѣла успѣхъ у публики.

* * *

Таврической садъ. За послѣднія двѣ съ половиною недѣли репертуаръ Таврическаго сада состоялъ изъ пьесъ: «Счастливей день», «Лакомый кусочекъ», «Фофанъ», «На хлѣбахъ изъ милости» и только одинъ разъ (вѣроятно, по какому-нибудь недоразумѣнію) была поставлена ком. «Свои люди—сочтемся». Если режиссеръ, перешедшій отъ нелѣпыхъ фтеерій къ легкимъ комедіямъ, будетъ послѣдователенъ, то надо ожидать, что въ репертуаръ скоро войдутъ фарсы: «Нюбея», «Меблированная комната Королева» и т. д., а затѣмъ—самое названіе «Общедоступный театръ» будетъ замѣнено другимъ: «Театръ-Фарсъ № 2». *Н. У.*

* * *

Старо-Сиверскій театръ открытъ 30-го мая товариществомъ русскихъ драматическихъ артистовъ подъ управленіемъ Е. Л. Дашковой. Составъ труппы: г-жи Дашкова, Чарская, Григорьева, Карпова, Кондратьева, Ардонская, Горская, Вальковская, Новикова и др.; гг. Громовъ, Гинкуловъ, Словаковъ, Томинъ, Дроздовъ, Садониковъ-Ростовскій, Мичуринъ, Погорѣльскій, Чернышевъ, Горецкій и др. Режиссеръ Н. С. Громовъ; помощникъ его Чернышовъ. Спектакли два раза въ недѣлю по четвергамъ и воскресеньямъ. Репертуаръ: драма, мелодрама, комедія, фарсъ, водевили съ пѣніемъ.

* * *

Въ пятницу, 11-го іюня, состоится бенефисъ режиссера сада Тумпанова Я. В. Самарина-Быховца. Будетъ поставлена въ 1-й разъ на сценѣ этого театра драма «Ферверженный» въ переводѣ Латернера.

* * *

Намъ доставленъ слѣдующій отчетъ по благотворительному спектаклю въ Новочеркасскѣ.

Труппою русскихъ артистовъ, подъ управленіемъ С. И. Крылова, данъ былъ въ Новочеркасскѣ спектакль въ память безвременно погибшаго артиста Н. П. Рошина-Инсарова, съ отчисленіемъ 1/2 чистаго сбора на учрежденіе въ Убѣжищѣ для престарѣлыхъ артистовъ имени Императора Александра III, кровати имени Н. П. Рошина-Инсарова.

Поставлены были: «Риголетто» (3 актѣ), «Какъ поживешь, такъ прослышешь» (3 актѣ), «Кинъ» (3 актѣ), «Лѣсъ» (2 актѣ).

Валовой доходъ выразился въ суммѣ 350 р. 70 к. За вычетомъ 100 руб. вечеровыхъ расходовъ дирекціи половина 125 р. 35 к. Выручено отъ продажи карточекъ въ кіоскахъ, за удержаніемъ расходовъ по устройству кіосковъ въ размѣрѣ 15 руб. 20 к. 33 р. 50 коп. Получено пожертвованій отъ разныхъ лицъ 47 р. 50 к. Итого 206 р. 40 к.

Кромѣ того часть труппы постановила пожертвовать на тотъ же предметъ свое суточное жалованіе. Изъ числа подписавшихся до сего времени получены деньги отъ гг. Рахмановой 10 р., Матковскаго 5 р., Дунаевой 10 р., Задольскаго 10 р., Арди-Свѣтловой 9 р. 20 к., Михайлова 10 р., итого 54 р. 20 к.

А всего вмѣстѣ со сборомъ отъ спектакля 260 р. 60 к. Означенная сумма черезъ Н. У. Туркина доставлена въ редакцію и препровождена ею казначею Русскаго Театральнаго Общества, въ чемъ послѣднимъ и выдана квитанція за № 217.

— Смотрите и критикуете? смутился онъ.—Вѣрно-съ, совершенно вѣрно, не извольте экзаменовать, признаюсь—было возліяніе... А если пришелъ... потому пришелъ, что важный разговоръ вести нужно.

— А завтра? спросила Ольга.

— Завтра? Гм... завтра... завтра я слова не скажу, рѣшилъ онъ и тяжело опустился на диванъ,—завтра я, золотая вы моя, опять въ себя уйду и не скажу... А въ душѣ, понимаете—въ душѣ, а не въ умѣ,—въ душѣ я чувствую, что лучше сказать, чѣмъ не сказать. Помните, про человѣка-то я вамъ все говорилъ?

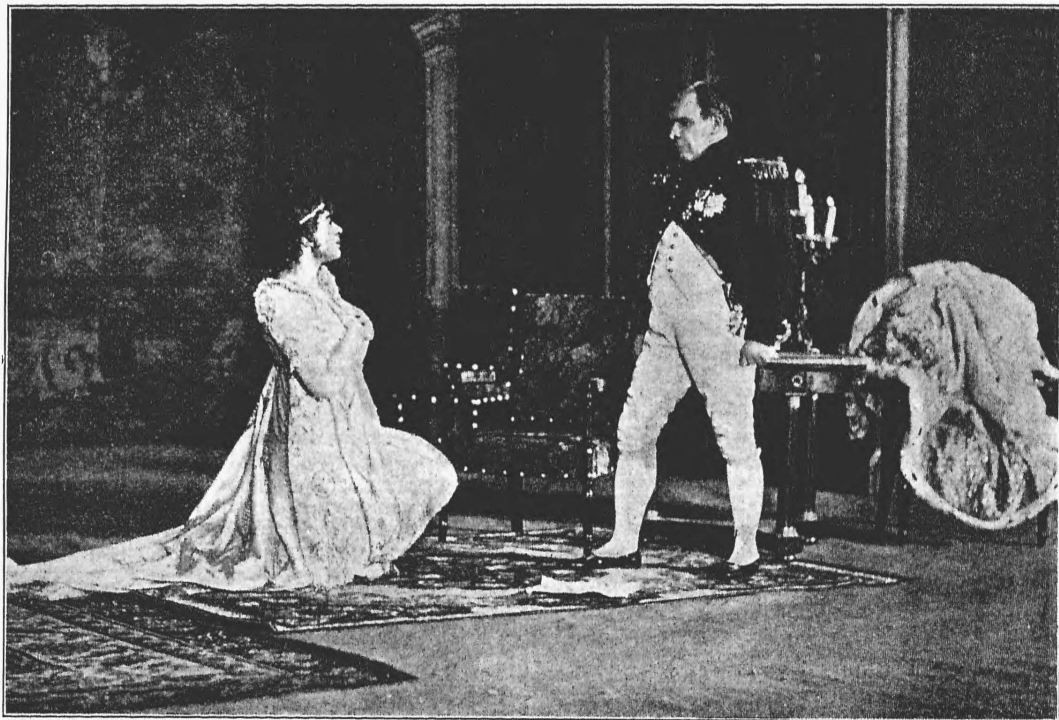
— Помню.

— Ну, вотъ-съ,—видалъ. Оттого и пропалъ, что все за нимъ увивался. Сначала въ одномъ мѣстѣ увидалъ—о знакомствѣ напомнилъ. Потомъ въ другомъ—въ разговоръ подготовительный вступилъ, а сегодня-съ на чистоту объяснился... Человѣкъ сей миѣ не безъизвѣстенъ. Толѣжника помните?

— Пѣвца?

— Да-съ, его самого—баритона съ сѣдиной... Душевный, доложу вамъ, человѣкъ-съ и съ понятіемъ.

THEATRE P. St. MARTIN.

«Plus que reine» пьеса Э. Бержера, 7-я картина.

См. заграницей.

Жозефина — Галингъ.

Наполеонъ — Кокленъ.

Круча.

(повѣсть).

Продолженіе *).

Забывавшій каждый день Воротиловъ вдругъ пропалъ и не показался цѣлыхъ три дня. На четвертый онъ пришелъ, уже поздно вечеромъ и пришелъ, какъ показалось Ольгѣ, въ замѣтно возбужденномъ видѣ.

Намѣтилъ я его еще давно—какъ Костю за границу отправляли... Будемъ говорить откровенно... Извольте вы помнить, какъ вся эта метаморфоза-то произошла.

— Какая?

— Да вотъ, эта самая, съ графомъ-то... Вѣдь, по совѣсти, ежели кого она по сердцу задѣла, такъ это васъ и меня, а отнюдь не Константина. Онъ, можно сказать, въ полномъ изумленіи былъ... Мы его и уговорили, и на шагъ первый понудили... Хорошо-съ, взялся онъ за дѣло и такъ взялся—словно въ новый департаментъ пошелъ, безъ всякихъ чувствъ особыхъ. А потомъ—выигралъ-съ, духомъ, то-есть, выигралъ, артистическимъ увлеченіемъ проникся. Это какъ разъ послѣ графскаго концерта

*) См. №№ 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 22 и 23

случилось... И стало въ немъ, на мой взглядъ, неладное твориться. Я не музыкантъ-сь, и даже по совѣсти—ни уха, ни рыла во всей этой механикѣ не смыслю, но человѣка всегда понимаю. Очень ужъ онъ напрягся, во всю, точь-точь какъ вотъ лошадь ломовая—захлястнетъ возъ въ ухабѣ, а она всѣми жилами-сь... Выдернетъ—ничего, а не выдернетъ—вся порвется... И началъ я опасаться, и все, знаете, подхлестнуть, энергію, такъ сказать, пробудить въ немъ хотѣлъ, даже до оскорбительныхъ намековъ доходилъ—прощальный-то вечеръ помните?.. А онъ, вдругъ, да о кручѣ заговорилъ...

— Да, эти слова его помню.

— Ну, вотъ-сь... Очень я тогда кручу эту самую понялъ. „Не тронь, говорить, не толкай, въ дребезги расшибусь...“ И это истинно... Потому, дѣйствительно, круча... Подъемъ безъ всякаго, такъ сказать, приутовленія и притомъ, высоко-сь... Атмосфера совершенно иная-сь, разряженная. Легкія-то, вонъ, какъ—милліардъ разовъ въ секунду, ну и сердце—хлопъ да хлопъ. Непривычно къ такой работѣ, ежеминутно—чикъ! А чикъ—это даже изъ господина Островскаго видно: чикъ и готово...

Ольга сидѣла блѣдная, вся нагнувшись къ Воротилову и смотрѣла широкими, испуганными глазами.

— Не изволите понимать-сь?

— Нѣтъ, я понимаю, а только вы такъ...

— Символически объясняюсь? Это вѣрно-сь, но только могу и яснѣе-сь... Есть, изволите видѣть, сказка такая, что заинтересовался принцъ сапожникомъ, пошутить захотѣлъ. Напоилъ его, усыпилъ-сь, и въ свое, принцевское, помѣщеніе перенесъ. Проснулся сапожникъ принцемъ... Знаете, поди?

— Знаю.

— И конецъ знаете? Два ихъ имѣется—по одному, сапожникъ указъ о награжденіи себя талерами издалъ,—но только конецъ этотъ нѣмецкій, съ биргальнымъ остроуміемъ. А есть другой-сь, тотъ много вѣрнѣе, психологичнѣе... По этому концу, сапожникъ, когда принцу шутить надобло, опять-сь сапожникомъ сталъ, и даже, быть можетъ, съ извѣстными талерами, но только-сь не выдержалъ—съ ума сошелъ. Послѣ принцевскаго положенія въ сапожномъ званіи уравниваться не могъ... Вотъ очемъ это на Константиана въ ту пору похоже было—ходить-сь, чувствуетъ себя принцемъ владѣтельнымъ и проснуться опасается... И было у негоднѣ что вродѣ какъ бы царапки или гвоздика этакого въ мозгу. Мыслить—мыслить, и вдругъ мысль-то за гвоздикъ этотъ заѣваться начнетъ... Въ такомъ видѣ онъ и въ теплые края уѣхалъ-сь, и какъ уѣхалъ, такъ у меня зудъ и начался,—а вдругъ?.. Мало-ль что случиться можетъ—публика за какого ни на есть любимчика вступится, репортериска обдѣленный область... Пустякъ это, а для него—*finita la comedia*, проснулся. И въ такомъ я волненіи былъ, что и сказать не могу. Писемъ его, какъ манны, ждалъ—все, моль, увижу, обо всемъ догадаюсь... Тутъ-то вотъ и вышелъ камуфлетъ... Обо всемъ пишетъ, а о нужномъ, о главномъ-то—стоп! И чѣмъ дальше, тѣмъ меньше. Въ первыхъ-то письмахъ, еще и то, и се, радуется видимо и порывается, а дальше—словно крестъ поставилъ—ни слова... Ольга Петровна, голубушка, вѣдь подъ висѣлицу я пойду, что вырѣзки-то эти не самъ онъ вырѣзаетъ. Надо думать—графъ старается, а самъ онъ такъ-таки отъ всего устранился... думалъ я, думалъ, и въ совершеннѣйшій тупикъ всталъ. Да и все-то тоже...

— Вы думали, а я писала, спрашивала и всегда одинъ отвѣтъ: „нечего писать, все идетъ, какъ слѣдуетъ, какъ всегда идутъ такіа дѣла“... Можетъ и правда. Вы думаете, Сергѣй Павлычъ, сколько ему

хлопотъ съ этимъ, цѣлые мѣсяца безъ перерыва, а тутъ еще мы съ распросами...

— Такъ-сь, совершенно такъ-сь и я думалъ...

— Думали... теперь, значить, не думаете?

— А теперь-сь не думаю... съ сегодняшняго дня не думаю...

— Какъ съ „человѣчкомъ“ переговоры?

THEATRE P. St. MARTIN.

«Plus que reine». Ж. Гадингъ (См. заграницей).

— Да-сь, какъ съ человѣчкомъ переговорилъ, отвѣтилъ Воротиловъ и поднялся съ дивана

— Какъ же вы теперь думаете?

— Я?.. Да никакъ-сь.

И онъ остановился предъ изумленной Ольгой, не ожидаяшей такого отвѣта.

— Никакъ-сь, никакъ-сь не думаю и думать пересталъ.

— Да вѣдь говорили вы съ Телѣжниковымъ?

— Говорилъ, очень даже много говорилъ... т. е. это онъ говорилъ, а я только слушала... Знать же-лаете, о чемъ и что говорили!

— Непремѣнно. Телѣжниковъ, во всякомъ случаѣ...

— Оставимъ всякій случай, а перейдемъ къ дан-ному. Сей господинъ Телѣжниковъ — господинъ весьма, оказывается, образованный и, кромѣ того, тонкій-съ... въ смыслѣ пониманія и воспримчивости впечатлѣній тонкій... Разказалъ я ему все, что раз-сказать слѣдовало. Память у меня здоровая—на-изусть письма Костыкины цитировалъ. Слушалъ онъ меня вполнѣ внимательно. И все, знаете, головой своей сѣдой подмахиваетъ—такъ-моль, такъ... Ладно, выложилъ я весь передъ нимъ и поясненія попросилъ... Ну, и того—пояснилъ.

— Что именно?

— А разное. Про всякихъ артистовъ разказалъ, все ихъ нутро развернулъ—и такое-моль оно бываетъ, и такое, бѣленькое, сѣренькое, а не то съ крапин-ками... И знаете, Ольга Петровна, голубушка,—уди-вительно у нихъ подлое это нутро—сухое, чертовое, совсѣмъ маленькое. Очень ужъ атмосфера-то кру-гомъ опоняющая. Совсѣмъ, понимаете, особенная, закулисная атмосфера, ну, и натуршкы такія же дѣлаются. И напередъ сказать можно, въ какой цвѣтъ кто окрасится, потому очень ужъ цвѣтотъ-то этихъ не много. Всѣ больше подъ одинъ колоритъ... А про Константина—ни два, ни полтора, ничего, говорить, сказать не могу. Потому-моль, что отъ васъ узналъ, ясно вижу, что онъ въ полоску безраз-личія впалъ,—есть такаа,—и всегда, говоритъ, отъ полосы переходъ бываетъ, а куда—незвѣстно. От-того неизвѣстно, что такого, какъ Костыка нашъ, вблизи смотрѣть надо, выступать, да выслушивать...

— И все?

— Нѣтъ-съ, не все—главное еще не разказалъ-съ... И тогда только скажу, когда вы напередъ мнѣ ручку дадите и „слава Богу“ скажете.

Ольга нетерпѣливо поморщилась.

— Ну, слава Богу...

— А ручку?

— На-те...

— Такъ-съ, теперь и сказать можно...

Онъ принялъ торжественный видъ и высоко под-нял голову:

— Черезъ двѣ недѣли Константинъ Николаевичъ Луганинъ прїѣдетъ въ Петербургъ для дебюта въ русской оперѣ...

— Прїѣдетъ? Костя?... Но вѣдь въ письмѣ ничего нѣтъ?..

— Въ письмѣ! Сюрпризъ хочеть сдѣлать, очень понятно...

А. Дѣяновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Намъ пишутъ изъ Берлина. Въ день рожденія М. И. Глинки, 20 мая (1 іюня нов. ст.) состоялась въ Берлинѣ постановка двухъ памятныхъ досокъ изъ чернаго мрамора на томъ домѣ, гдѣ онъ жилъ и умеръ въ 1857 году (уголъ Kanonier und Französische Strasse). Надписи на доскахъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Присутствовали члены посольства и при-бывшіе къ этому дню изъ Петербурга делегаты: А. С. Та-нѣвъ (композиторъ), М. А. Балакиревъ—ученикъ и другъ Глинки, и молодой петербургскій композиторъ и дирижеръ Н. И. Казанли, который въ январѣ этого года исполнилъ въ Мюнхенѣ въ Kaim-Saal «Руслана и Людмилу». Протоіерей посольской церкви, А. П. Мальцевъ, въ короткой и вырази-тельной рѣчи обрисовалъ личность Глинки, какъ самобытнаго, русскаго творца.

Вечеромъ того же 20 мая, въ новомъ Бетховенскомъ залѣ, М. А. Балакиревъ дирижировалъ концертомъ, въ которомъ были прекрасно исполнены произведенія Глинки, между прочимъ: увертюра и антракты къ трагедіи «Князь Холмскій», увертюра «Русланъ», «Арагонская Хота» и др. Украшенный лаврами бюстъ Мих. Ив. стоялъ на эстрадѣ. Залъ былъ пол-нонъ избранной, блестящей публикой.

Прага. 3 іюня (нов. ст.) въ нѣмецкомъ драматическомъ театрѣ въ первый разъ были поставлены три одноактные пьесы вѣнскаго драматурга Артура Шнитцлера. Пьесы такъ оригинальны по своему содержанию, затронутымъ въ нихъ во-просамъ, что было бы желательно немного подробнѣе оста-новиться на нихъ. Первая пьеса называется «Парацельзусъ», по имени главнаго дѣйствующаго лица, врача XVI ст., впервые примѣнявшаго гипнотизмъ для лѣченія болѣзней. Пьеса раз-ыгрывается въ г. Базелѣ, въ домѣ оружейника Цириана. Задѣтый за живое насмѣшками Цириана надъ его знаніями, онъ гипнотизируетъ жену послѣдняго и внушаетъ ей при-знаться въ несуществующей невѣрности къ мужу. Внутренне исполняется въ точности, и такъ дѣйствуетъ на мужа, что онъ начинаетъ вѣрить въ ея виновность, и все спрашиваетъ доктора: «вѣдь это все сонъ?» Измученный этой сценой, и почти уже увѣренный въ виновности своей жены, онъ про-ситъ спать съ нею чары и заставитъ жену говорить правду. Парацельзусъ вновь гипнотизируетъ ее, она забываетъ о томъ, что она говорила, сознается, что въ молодости любила одного только Парацельзуса, но онъ не понялъ ея любви, и отдался наукѣ, а она любитъ только одного мужа. Смущенный Парацельзусъ произноситъ горячій монологъ о могуществѣ знанія и покидаетъ городъ навсегда. Очень благодарны роли любовника Парацельзуса, Юстины жены Цириана и самого Цириана. Вторая пьеса носитъ названіе «Спутница» (Die Gefährtin) изъ современной вѣнской жизни. Въ день смерти жены, мужъ, профессоръ, узнаетъ о невѣрности умершей, выгоняетъ изъ дому ея любовника, но благодаря встрѣчѣ съ женщиной, которую онъ когда-то любилъ, и которая, благо-даря его женитьбѣ, скрывала свои чувства къ нему, прощаетъ умершую и примиряется съ жизнью. Конецъ очень туманенъ, не сцениченъ, и зритель ждетъ чего-то другого. Третья пьеса «Зеленый какаду» (Der grüne Kakadu), произвела наиболѣе сильное впечатлѣніе. Дѣйствіе пьесы разыгрывается въ Па-рижѣ 14 іюня 1789 года, въ простомъ кабачкѣ ляди Проспера, называемаго «Зеленый какаду», откуда и названіе пьесы. Хо-зяинъ кабачка, бывший антрепренеръ, собираетъ у себя акте-ровъ, которые безъ всякихъ сценическихъ приспособленій играють разные отрывки изъ пьесъ, или импровизируютъ. Эти представленія такъ входятъ въ моду, что высшая фран-цузская аристократія начинаетъ посѣщать этотъ кабачекъ и восхищается игрой актеровъ. Въ одинъ изъ вечеровъ, актеръ Лури, только что женившійся на актрисѣ Леокадіи, и очень ревновавшій ее ко всѣмъ, а къ герцогу Эмилю Кадичанъ въ особенности, разыгрываетъ сцену ревности, и говоритъ, что онъ убилъ герцога. Всѣ потрясены; его хотятъ арестовать; хозяинъ таверны говоритъ ему, что онъ отлично сдѣлалъ, что убилъ герцога и свою жену, такъ какъ всѣмъ извѣстенъ ея легкомысленный нравъ и отношенія къ герцогу. Въ эту ми-нуту входитъ герцогъ. Публика убѣждается въ гениальной игрѣ актера, но въ немъ просыпается дѣйствительное чувство ревности и онъ закалываетъ герцога. Я упустио массу эни-зодическихъ ролей, преимущественно актеровъ, которыхъ на самомъ патетическомъ мѣстѣ хозяинъ кабачка грубо преры-ваетъ, а также роли аристократовъ, восхищающихся игрою актеровъ. Прибавьте сюда выстрѣлы за сценой, взятіе Бастиліи, крики «да здравствуетъ республика» и прочіе эффекты. Пьеса производитъ очень сильное впечатлѣніе. Повидимому, она на-писана подъ влияніемъ оперы «Паяцы», но въ ней много тонкой наблюдательности, юмора и жизни. Изъ всей трилогіи эта пьеса навѣрно сдѣлается «гвоздемъ сезона». Въ Чешскомъ театрѣ выступалъ три раза нашъ соотечественникъ, теноръ М. М. Рѣзуновъ. Онъ выступилъ въ «Пиковой дамѣ» Чай-ковскаго, и имѣлъ большой успѣхъ. Для второго спектакля шелъ «Евгеній Онѣгинъ». Вообще исполненіе г. Рѣзунова не лишено темперамента и жизни. Отъ дирекціи Королевскаго театра артисту былъ поднесенъ вѣнокъ изъ пальмъ и лавровъ съ надписью «нашему милому гостю». 13-го іюня г. Рѣзуновъ выступаетъ во вновь поставленной оперѣ Бородина «Игорь» въ роли Владиміра Игоревича и затѣмъ въ «Паяцахъ». Въ честь юбилея Пушкина былъ поставленъ «Евгеній Онѣгинъ». Передъ началомъ спектакля была исполнена увертюра къ оперѣ «Русланъ и Людмила» Глинки, потомъ чтеніе, и наконецъ живая картина, изображающая статую Пушкина, окруженную дѣйствующими лицами изъ его произведеній, причемъ геній вѣнчаетъ статую золотымъ вѣнкомъ. Картина очень понрави-лась, и по желанію публики нѣсколько разъ повторялась.

Русскій.

Элеонора Дуза, какъ мы уже сообщали, съ 18-го сентября начнеть новое турне по Европѣ. Прежде всего она посѣтитъ Швейцарію, затѣмъ Амстердамъ, Гаагу, Берлинъ, Вѣну, Пештъ, Бухарестъ, Яссы, Одессу, Кіевъ, Москву, Петербургъ, Варшаву, Бреславль, Стокгольмъ и Копенгагенъ. Турне продолжится до 1-го іюля будущаго года. Репертуаръ Дузы частью старый, частью новый: «Дама съ камеліями», «Федра», «Джюкконда» и нѣкоторыя пьесы Шекспира!

Въ театрѣ «Porte S. Martin» съ большою торжественностью и роскошью была поставлена пьеса Эмиля Вержера, извѣстнаго французскаго фельетониста, пишущаго подъ псевдонимомъ Caliban — «Plus que reine». Эта «болѣе, чѣмъ королева» — Жозефина, жена Наполеона. Эпоха, вообще, соблазнительная для драматурга, по своей живописности, смѣлости и борьбѣ началъ въ общественной средѣ. Въ «пружинахъ страстей», которыми однообразно пользуются французскіе драматурги, здѣсь нѣтъ недостатка. Прологъ показываетъ намъ знакомство Бонапарта и Жозефины и начало романа. Между первой и второй картиной пройти четыре года. Бонапартъ возвращается изъ Итальянскаго похода. Жозефина живетъ соломенной вдовой, предаваясь развлеченіямъ. Возвращеніе Наполеона застаеъ ее собирающеюся на балъ, въ костюмѣ Клеопатры. Наполеонъ прибылъ въ Парижъ и задумалъ государственный переворотъ, не предупредивъ даже объ этомъ Жозефину. Онъ является въ домъ, гдѣ она живетъ. Ея нѣтъ, она на балу. Сцена ревности. Она возвращается съ бала и умоляетъ и плачетъ предъ Наполеономъ. Отнынѣ роли мѣняются: Жозефина страстно влюбляется въ Наполеона — онъ сохраняетъ только привязанность. Въ третей картинѣ мы на канунѣ провозглашенія Имперіи. Жозефина молить Наполеона отказаться отъ Императорской короны. Она чувствуетъ инстинктомъ, что ей угрожаетъ разводъ. Наполеонъ предлагаетъ ей императорскую корону. Но что ей корона, когда у нея нѣтъ наследника престола? Въ четвертой картинѣ, скрѣпя сердце, ей приходится представить наследника своего племянника, сына Гортензій Богарне. Пятая картина — сценическое воспроизведеніе знаменитаго полотна Давида — вѣнчаніе Жозефины короною. Дальнѣйшее развитіе пьесы — сплошь по исторіи. Смерть наследника, разводъ. Жозефина подписываетъ актъ развода, и всю силу любви, отреченія и самопожертвованія выражаетъ въ раздирающемъ душу крикѣ: Vive Napoléon III.. Главныя роли играли: Жозефины — Гадингъ, Наполеона — Кокленъ. Исполненіе было превосходное, что вполне обезпечиваютъ, впрочемъ, имена артистовъ. Благодарный авторъ разрѣшилъ двумя сонетами — по адресу Гадингъ и Коклена. Сонетъ Гадингъ заканчивается слѣдующими словами:

Quand près de mon nid de mouette,
Dont la mer trempe les duvets,
Vous passâtes, im jour, muette,
Où donc alliez vous? Où je vais!
Car chaque femme a son poète.
Vous me cherchiez, je vous rêvais.

Очень галантно и мило.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

(Отъ нашихъ корреспондентовъ).

КИЕВЪ. Пушкинскія празднества прошли довольно оживленно. 22 мая въ театрѣ «Бергонье» литературно-артистическое общество устроило «Пушкинскій вечеръ». Когда завѣсь взвился, то взорамъ публики, преголнявшей театр (входъ былъ бесплатный), предстало правленіе «литературно-артистическаго общества». Вечеръ открылся рѣчью председателя общества В. Н. Николаева. Затѣмъ преподаватель одной изъ мѣстныхъ гимназій В. С. Рыбинскій прочиталъ длинную рѣчь на тему «Поэзія передъ судомъ критики конца XIX столѣтія». Послѣ этого поставлена была сцена изъ «Бориса Годунова» («Въ кельѣ Чудова монастыря»). Пимена изображалъ М. Л. Кропивницкій, а Отрепьева г. Карпенко, артистъ малорусской труппы. Для Кіева, который радъ представить хохломъ и Гомеру, этого было достаточно. «Моцартъ и Сальери» разыгранъ былъ гг. Косымъ и Скорупинымъ. Въ музыкальномъ отдѣленіи пѣли романсы на слова Пушкина, оркестръ исполнилъ: «Кантату въ честь Пушкина», муз. Прибика. Вечеръ затянулся до 2 часовъ ночи, благодаря чрезвычайно длинной программѣ.

25 мая въ лѣтнемъ китаевскомъ театрѣ состоялся «Пушкинскій спектакль». Шли отрывки изъ «Бориса Годунова» («Сцена у фонтана» и «Въ кельѣ Чудова монастыря») и изъ «Скупого рыцаря» («Въ подвалѣ»). Исполненіе было очень слабое.

27 мая въ «Новомъ театрѣ» Соловцова состоялся торжественный юбилейный спектакль. Шли отрывки изъ драматическихъ произведеній чествуемаго А. С. Пушкина. Сначала три сцены изъ «Каменнаго гостя» съ Донъ-Жуаномъ (Е. Я. Недѣлинымъ), затѣмъ представлены были сцены изъ «Бориса Годунова». Первая «Келья въ Чудовомъ монастырѣ» прошла блѣдно и вяло. Лучше прошла сцена «Въ корчмѣ» и «У фонтана», хотя послѣднюю смѣло можно бы назвать «У водопада», ибо знаменитаго фонтана не было и въ поминѣ, а вмѣсто того поставили изображеніе «водомета» въ видѣ львиной головы. Закончился спектакль торжественнымъ апофеозомъ, причеъ г. Багровъ съ воодушевленіемъ прочелъ стихотвореніе К. К. Случевского, посвященное чествуемому поэту. Затѣмъ началось возложеніе вѣнковъ отъ городской думы (серебряный), отъ редакцій трехъ мѣстныхъ газетъ, отъ литературно-артистическаго общества, отъ редакціи журнала «Кіевская Старина», отъ педагогическаго общества, славянскаго, отъ труппы Н. Н. Соловцова, отъ драматическаго антрепренера и отъ малороссовъ товарищества М. Л. Кропивницкаго. Театръ былъ полонъ.

28 мая въ часъ дня въ залѣ купеческаго собранія состоялось торжественное чествованіе великаго поэта Кіевскаго отдѣленіемъ Императорскаго Музыкальнаго Общества, открытое рѣчью А. Н. Виноградскаго.

Было еще нѣсколько симфоническихъ вечеровъ и спектаклей въ память Пушкина и по поводу Пушкина, которые пересчитывать было бы затруднительно.

Постройка городского театра быстро подвигается къ концу. Зданіе доведено уже почти до крыши. *Ник. Гриверъ.*

ХАРЬКОВЪ. Публикѣ нашей особенно повезло въ весеннемъ сезонѣ. Сначала насъ посѣтила М. Г. Савина, далѣе труппа во главѣ съ В. Н. Давыдовымъ и В. П. Далматовымъ, теперь же гастролируетъ у насъ специально сформированная для представленія «Федора Іоанновича» труппа во главѣ съ П. Д. Ленскимъ (Годуновъ), г. Орленевымъ (въ заглавной роли) и г. Бравичемъ (Ив. Петр. Шуйскій). Труппа во главѣ съ г. Давыдовымъ и Далматовымъ дала у насъ: «Свадьбу Креч.» (2 раза), «Новый міръ» (2 раза), «Ревизоръ», «Бѣшеные деньги», «Горе отъ ума» (бенеф. г. Давыдова), одинъ «Пушкинскій вечеръ» и «Корнетъ Отлетаевъ» (бенеф. г. Далматова).

Распространяться о В. Н. Давыдовѣ едва ли приходится. Кто не знаетъ образовъ Расплюева, Фамусова, Городничаго въ его исполненіи? И тѣмъ не менѣе роль Нерона въ «Новомъ мірѣ» не удалась артисту; вмѣсто Нерона мы видѣли, увы, скорѣе Менелая.

Г. Далматовъ — большой художникъ сцены. Онъ превосходно провелъ роли Телята («Бѣш. деньги»), корнета Отлетаева и, пожалуй, Донъ-Жуана (Пушкина). Роли Чацкаго, Хлестакова и Кречинскаго г. Далматовъ, бытъ можетъ, игралъ нѣкогда очень хорошо, но теперь... Кстати о Хлестаковѣ. Г. Далматовъ, прощаясь съ городничихой, приподнял ее чуть ли не на 3—4 вершка отъ пола, чѣмъ партеръ даже былъ нѣсколько сконфуженъ.

Г-жа Стравинская, очень понравившаяся намъ въ первый пріездъ, какъ юная ingénie comique и вообще, какъ лирическая артистка, совершенно разочаровала насъ теперь какъ драматическая артистка. Отъ нея вѣяло холодомъ.

Г-жа Марина Морская мило смотрѣла со сцены и имѣла извѣстный успѣхъ. Солиднымъ успѣхомъ пользовался г. Судьбининъ, хотя и выступалъ не въ своихъ роляхъ. Не безъ способностей, кажется, г. Степановъ. Матеріальная дѣла труппы выше средняго. Труппа г. Полѣскаго-Шипилло выѣхала 22 въ Николаевъ, 23-го состоялось первое представленіе «Федора Іоанновича». Театръ переполненъ, билеты берутся и на слѣдующіе 2 спектакля, успѣхъ выдающійся.

Теперь мы увидѣли «Царя Федора Іоанновича» въ натуральную величину. Всѣ находятъ тебѣ, что г. Діевскій подражаетъ г. Орленеву и притомъ весьма удачно. Этого не признать нельзя. Въ игрѣ г. Орленева сказывается душевное проникновеніе ролью и обиліе любви, благости и вѣры. Замѣчу, что движенія г. Орленева слишкомъ часты и смѣлы для слабого тѣломъ Федора; голосъ его также слишкомъ сильно для Федора звучитъ; болѣе мягкости и слабое подчеркваніе слабости, — вотъ что не помѣшало бы усвоить г. Орленеву.

До сихъ поръ намъ показывали Годунова, какъ кичащагося властью правителя, вызывающаго и гордаго въ самознани своей силы. Борисъ Годуновъ въ исполненіи П. Д. Ленскаго представляется самоувереннымъ, но не вызывающимъ; онъ слишкомъ хорошо знаетъ свои силы, чтобы не «бороться» съ мясниками, лабазниками и даже съ Шуйскими, которыхъ онъ такъ искусно опутываетъ... Такое толкованіе Годунова раздѣлило публику нашу на два лагеря. Не безъ искусства г. Бравичъ провелъ трудную роль Ив. Петр. Шуйскаго. Хороши были массовыя сцены. Успѣхомъ пользовались гг. Орленевъ, Ленскій и Бравичъ.

Нельзя обойти молчаніемъ цѣлый рядъ спектаклей, устраиваемыхъ неумолимымъ г. Кошечкинымъ на мѣстномъ паровозостроительномъ заводѣ, на которомъ имѣется свыше 4000

рабочихъ. Ставились: «Лѣсъ», «Безъ вины виноватые», «Соколы и вороны», а нѣсколько дней тому назадъ поставлена была пьеса Шпажинскаго («Въ старые годы»). Такъ какъ въ этихъ спектакляхъ участвуютъ извѣстные харьковской публикѣ любители, мечтающіе о сценѣ, то замѣтимъ г. Рошину (довольно способный любитель), что Рахманова нельзя играть, какъ Несчастливцева; роль Рахманова требуетъ вдумчивости, работы и, главное, умѣнья читать и тонировать. Роль Клавдіи довольно порядочно провела г-жа Нератова, какъ любительница, хотя роли *ingénue comique* ей лучше удаются. Совсѣмъ хорошо играли гг. Каренинъ (Ивкова) и Заринъ (Чирикова). Благодарство въ игрѣ замѣчалося у г-жи Шустовой въ роли Маши. Надо было видѣть веселыя лица рабочихъ, ихъ женъ съ младенцами на рукахъ, чтобы понять, сколько духовнаго наслажденія и интереса доставляютъ этимъ труженикамъ подобныя развлечения.

А. П. Б.

АСТРАХАНЬ. Въ лѣтнемъ театрѣ сада «Аркадія» съ 25-го апрѣля играетъ товарищество драматическихъ артистовъ подъ управленіемъ П. М. Бородея. Составъ его: г-жи Свободина-Барышова, Шателенъ, Миличъ, Литовцева, Славянская, Иртенева, Соколовская, Аранова, Александрова-Дубровина, Будкерина, Гарина, Холмина, Толская, Косторина, Канина; гг. Ленковский, Соколовскій, Гаринъ, Соловьевъ, Михайловичъ-Дольскій, Качаловъ, Чернышовъ, Степановъ, Муромцевъ, Громовъ, Нелидовъ и друг. Для открытія сезона шло «Новое Дѣло» — Данченко; изъ новинокъ шли: «Ложь», «Джентльментъ», «Сирано Бержеракъ» и «Новый мѣръ». «Царь Θεодоръ», съ новыми декорациями и костюмами. По понедельникамъ даются общедоступные спектакли. Сборъ средній. Труппа очень хорошая; спектакли идутъ съ ансамблемъ.

Вновь выстроенный театръ и вокзалъ освѣщаются электричествомъ.

А. Дадановъ.

НИКОЛАЕВЪ. Въ театрѣ Шеффера съ 22-го мая начались гастроли драматической труппы подъ управленіемъ Е. Ф. Польскаго-Шипилово, во главѣ съ артистами В. Н. Давыдовымъ и В. П. Далматовымъ. Шли пока пьесы «Свадьба Кречинскаго», «Корнетъ Оглетасень» и «Новый мѣръ». Талантъ Далматова публичка вполне оцѣнила въ «Корнетѣ Оглетасень», гдѣ артистъ далъ оригинальный и разнохарактерный образъ помѣщика самодура бывшихъ временъ. «Новый мѣръ» прошелъ съ ансамблемъ. 26-го мая труппа чувствуетъ память А. С. Пушкина.

Мѣстный Комитетъ почительства о народной трезвости 25 го мая чествовалъ память Пушкина въ своемъ помѣщеніи чайной столовой. Мѣстный директоръ музыкальныхъ классовъ исполнилъ съ оркестромъ и хоромъ въ 120 человѣкъ свою кантату, написанную имъ къ этому торжеству. Г. Ге прочелъ краткую біографію поэта, показаны были живыя картины нѣкоторыхъ произведеній А. С. Пушкина. Настроеніе народа, присутствующаго на чествованіи, было самое торжественное. Только мѣстные любители испортили впечатлѣніе торжества, взявши прочесть сцены изъ «Бориса Годунова» и не выучивъ стиховъ, больше говорили собственными словами. Народъ остался въ недоумѣніи, или говоря словами трагедіи — «народъ безмолствовалъ».

Si bene!

СЫЗРАНЬ. Съ 2-го по 23 мая были поставлены: «Соколы и вороны», «И ночь, и луна, и любовь», «Злоба дня», «Угнетенная невинность», «Побѣда на Волгу» въ 1 разъ — успѣха не имѣла, «Волшебный вальсъ», «На жизненномъ пиру», «Съ мѣста въ карьерѣ», «Дармоѣдка», «Золотая Ева», «Гамлетъ Сидоровичъ», «Двѣ сиротки», «Тайна женщины», «Князь Серебряный», «Дочь русскаго актера», «Два часа правды», «Женское любопытство», «Левъ Гуричъ Синичкинъ» (бег. Разсудова), «Безъ исхода», «Подъ душистою вѣткой сирени», «Контролеръ спальныхъ вагоновъ», «Кречинскій въ юбкѣ», «Материнское благословеніе» и «Прежде скончались, потомъ повѣнчались», затѣмъ до 1-го іюня пойдутъ еще: «Взятіе Измаила», «Откуда сыръ-боръ вагорѣлся» и спектакль въ честь Пушкина (25 мая), для котораго назначены сцены изъ «Бориса Годунова», «Каменнаго гостя», «Русалки», живыя картины изъ произведен. Пушкина и апофеозъ, послѣ чего товарищество на время прекратитъ свою дѣятельность. Съ 1-го до 15 іюня будутъ давать свои спектакли малороссы, а съ 15 іюня по 15 іюля опера Бородея. Послѣ 1 іюля вновь будетъ играть товарищество подъ управленіемъ Вронской Бориславской, но, какъ слышно, съ гастролерами.

Составъ товарищества, какъ сообщалось въ 19 № журн. «Театръ и Искусство», нѣсколько измѣнился, а именно: вскорѣ послѣ открытія оставили труппу гг. Аркадьевъ и Сахаровъ, затѣмъ г-жа Дальская. Г-жа Марго совсѣмъ не прѣхала; приглашенъ г. Антоновъ — (мѣстный любитель, игравшій съ успѣхомъ прошлый сезонъ у Мартынова) — не безъ ярости сыгравшій для перваго выхода Хомяка въ «Князѣ Серебряномъ».

Изъ артистовъ товарищества наибольшимъ успѣхомъ пользуется талантливый комикъ Разсудовъ. Онъ относится къ своимъ ролямъ съ особеннымъ вниманіемъ и прилагаетъ къ нимъ всю свою выдумку и изобрѣтательность, лишь бы не играть однообразно. Исполненіе его очень богато тѣмъ, что французы зовутъ «trouvaillies» «jeux de scène», а на нашемъ театральномъ жаргонѣ выражается словомъ «фортель», нѣкоторые изъ нихъ очень остроумные, удачные и мѣстами даже

оригинальные, но нѣкоторые — слишкомъ ужъ сочиненные и неумѣстные, и совершенно не кстаті отвлекаютъ зрителя отъ діалога. Получается игра немнѣго вычурная и — какъ бы это сказать? — нескромная, что ли, върѣе даже гастролерская, такъ какъ ему непременно хочется, чтобы публика не шесу слушала, а смотрѣла на г. Разсудова. Исполненіе г. Борецкаго (1 драм. любовникъ и герой) отличается простотой и порой энергичностью, но сильно драматическаго дарованія, способности достигать высшаго предѣла сценическаго напряженія въ г. Борецкомъ не замѣтно, при томъ онъ часто ослабляется впечатлѣніемъ какими-то особенными прилѣханьями, къ которымъ прибѣгаетъ въ драматическихъ мѣстахъ; у одной части публики имѣетъ успѣхъ, а у другой — нѣтъ. Г. Матвѣевъ — резонеръ довольно холодный, кромѣ того, обыкновенно къ концу пьесы дѣлается вялымъ и выпадаетъ въ фальшь, второй же резонеръ г. Цвилевъ пользуется у публики большимъ успѣхомъ, нежели г. Матвѣевъ, и дѣйствительно есть нѣсколько ролей, которыя онъ исполнилъ съ большимъ успѣхомъ.

Въ женскомъ персоналѣ лучше всѣхъ — женщина г. Пузицкій. Мы были очень поражены, увидавъ его въ первый разъ въ роли Елизаветы Ѳомиинны («Соколы и вороны») — матерски поддѣланный голосъ, походка, мимика и пр. Г-жа Вронская-Бориславская — героиня мало трогаетъ зрителя сердечностью и непосредственностью игры, за то въ исполненіи ея обнаруживается тактъ, она отличается опытностью и умѣньемъ пользоваться сценическими данными и техникой. Г-жѣ Раевской можно посоветовать держаться больше бытовыхъ ролей. Г-жа Лорина-Склярская — волевыми и инженерно-комикъ — поетъ хорошо, но игра ея страдаетъ однотонностью.

Режиссерская часть мало удовлетворительна. Eine alte Geschichte... Сборъ, благодаря мало интересному репертуару, слабѣе, тѣмъ въ сезонъ 1898 г., но и убытковъ нѣтъ.

Въ смыслѣ расписыванія артишъ товарищество держится старинныхъ фасоновъ. Читаетъ такіе подзаголовки «Гладстонъ въ юбкѣ», «Телеграмма въ Министерство финансовъ», «Восемь смертныхъ приговоровъ» («Соколы и вороны»), «Золотая фея», «Содержанка» («На жизненномъ пиру»), «Полцѣлуй Германскаго Императора» («Золотая Ева»), «Лѣченіе отъ бѣшенства лучше Пастера» («Дармоѣдка») и многое др.

Немо.

САРАТОВЪ. Будничные спектакли въ народномъ театрѣ, какъ я наблюдалъ, вообще проходятъ съ средними сборами. Пустуютъ, сверхъ обыкновенія, два верхнихъ яруса (т. е. мѣста, буквально «боемъ» берущіеся по праздничнымъ днямъ), а большее оживленіе замѣчается въ партерѣ. И то нужно сказать: до театра ли въ будни нашему рабочему люду? Да и спектакли тамъ начинаются очень рано, ровно въ 7¹/₂ ч., т. е. когда рабочему человѣку можетъ быть остается еще два-три часа до окончанія своего трудового дня. И новый режиссеръ, г. Селивановъ, какъ замѣчается, сильно подтянулъ начало спектаклей. Занавѣсъ идетъ всегда въ назначенное время, антракты обусловлены аншлагомъ, однимъ словомъ все новые порядки, результатъ которыхъ — отсутствіе опозданій, которые систематически практиковались прошлымъ сезономъ при г. Марковскомъ.

Въ послѣднее время шли «Канирская старина», «Безъ вины виноватые», «Царская невѣста», «Поздняя любовь», «Дармоѣдка», «Въ неравной борьбѣ», «Бѣшенныя деньги», «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ», «Свои люди — сочтемся», «Свѣтить да не грѣшить» и др.

И — то.

УФА. Нынѣшнее лѣто играетъ драматическая труппа, подъ управленіемъ Н. Ф. Арбенина и А. С. Чернова. Труппа составлена частью изъ артистовъ петербургскихъ Императорскихъ театровъ, частью изъ провинціальныхъ. Труппа, въ общемъ, хорошая. Уже съ первыхъ спектаклей труппа завоевала симпатіи публики, благодаря ансамблю, репертуару и постановкѣ всего режиссерскаго дѣла.

Главная основа нашей труппы это ея сыгранность. Многочисленныя репетиціи свидѣтельствуютъ несомнѣнно о той серьезности, съ какою артисты относятся къ постановкѣ пьесъ, а потому и исполненіе ихъ доведено, можно сказать, до совершенства. Всѣ главные исполнители какъ бы соперничаютъ объ отдѣлкѣ своихъ ролей.

Изъ состава труппы были замѣчены въ первыхъ четырехъ спектакляхъ изъ женскаго персонала: В. В. Стрѣльская, Г. В. Панова, М. Моравская, С. Бѣжина. Г-жа Бѣжина (*ingénue*), видно начинающая, но съ сценическими способностями.

Изъ мужскаго персонала успѣли выдѣлиться А. С. Черновъ, Н. Ходотовъ, В. Петровъ, Н. Шаповаленко, М. Бѣлинъ. Шли пьесы «Злая яма», «Миражи», «Первая муха», «Ложь» и др.

Справочный отдѣлъ.

Свободенъ на лѣтній и зимій сезоны — драматическій любовникъ, герой. Адресъ: Г. Харьковъ, Клочковская, № 26, кв. 4, Евгевію Дмитріевичу ЮЖАНОВУ.

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОКЪ

драматическимъ сочиненіямъ на русскомъ языкѣ, раз-
смотрѣннымъ драматическою цензурою и дозволеннымъ
къ представленію.

(См. «Правит. Вѣстн.» № 111).

1) Сочиненія безусловно дозволены къ пред-
ставленію.

А) На русскомъ языкѣ:

16) Совмѣститель. Комедія въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе
Б. Е. Шрайбера (Писаревскаго). По печатному изданію Б. Е.
Писаревскаго. Водевиль. «Центральная типографія». Одесса.
1899 года.

17) Цыгане. Поэма А. С. Пушкина. Съ портретомъ автора
и 2 иллюстраціями. (Иллюстрированная пушкинская библио-
тека. Изданіе Павленкова № 5. Изданіе четвертое. С.-Петер-
бургъ. Типографія товарищества «Общественная Польза». По
печатному изданію).

2) Сочиненія, дозволены къ представленію съ
исключеніями.

1) Враги Наполеона. Оперетта въ трехъ дѣйствіяхъ. Пере-
водъ съ итальянскаго А. Б. Музыка Валенте.

2) Въжливый господинъ. Комедія въ 3 дѣйствіяхъ (шести
картинахъ). Переводъ съ нѣмецкаго В. Н. Стрететова.

3) Голубая роза. Драма въ пяти дѣйствіяхъ. Сочиненіе
Леси Украинки (псевдонимъ).

4) Городъ Римъ. Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ Джероламо
Роветта. Переводъ съ итальянскаго Е. Некрасовой.

5) Двадцать два (22) года измѣны. Фарсъ въ трехъ дѣй-
ствіяхъ. Сочиненіе Биссона и Геннекена. Для русской сцены
М. Б. (И. Манунцова и Б. Бентовина).

6) Донъ Пиетро Корусо. Драма въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе
Роберта Бракко. Переводъ съ итальянскаго М. Эрихсенъ.

7) Дочь моря (Fruen fra havet). Пьеса въ пяти дѣйствіяхъ
Генриха Ибсена. Переводъ съ норвежскаго Н. Е. Ермилова.

8) За чужое преступленіе. Драматическія сцены въ двухъ
дѣйствіяхъ. Сочиненіе Н. Ф. Арбенина.

9) Заноза. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе
Е. М. Воскресенской.

10) Золотая любовь. Пьеса въ трехъ дѣйствіяхъ Алексан-
дра Дюма-сына. Переводъ съ французскаго А. Горовица и
М. Кривцова.

11) И на старуху бываетъ проруха, или всякій для себя,
а Богъ для всѣхъ. Комедія-пословица въ трехъ дѣйствіяхъ
кн. С. Э. Вадбольской.

12) Иванъ да Марья. Драма въ пяти дѣйствіяхъ. Сочине-
ніе кн. С. Э. Вадбольской.

13) Казачка. Драма въ пяти дѣйствіяхъ. Составлена и пе-
редѣлана А. А. Ч...вымъ изъ повѣсти «Казачки». Соч. графа
Льва Николаевича Толстого. Съ пѣснями, плясками и обряд-
ными играми.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ Я. Р. Кугель.

Издательница З. В. Тимоеева (Холмская).

О В Ъ Я В Л Е Н І Я .

Лѣтній садъ и театръ

В. А. НЕМЕТТИ.

39. Офицерская, 39.

Дирекція Л. В. Пупкова.

Ежедневныя предетавленія: оперетка, балетъ и
дивертисментъ.

Балетъ подъ управленіемъ г. Саракко. Прима балерины БИАНКА ДЖЕЛАТО и
ВАРАЗИ.

ДИВЕРТИСМЕНТЪ.

Эквилибристи Эмза и Вильямъ Старъ, Квинтетъ Делина, М-ле Норисъ.

Нач. музыки въ саду въ 7 час. Нач. спектакля въ 8 час.

Цѣна за входъ въ садъ 40 к. Абонементныя книжки въ 20 билетовъ 5 р.,
10 билетовъ 2 р. 50 к. Взятые билеты на мѣсто передъ лѣтней сценой за
входъ въ садъ ничего не платятъ. Контромарки при выходѣ изъ сада не
выдаются.

Касса открыта ежедневно отъ 11 часовъ утра.

ВОРОНЕЖСКІЙ

ЗИМНІЙ ГОРОДСКОЙ ТЕАТРЪ

сдается на сентябрь мѣсяцъ для
спектаклей русской или малорусской
драматической труппы. За условіями
обращаться: Екатеринбургъ, Лѣтній
театръ городского сада, антрепре-
неру А. А. Лянтвареву.

№ 235 (2—2)

Все необходимое для гг. артистовъ!

Усовершенствованныя и безвредныя гримировки: румяна, бѣлѣла,
карандаши и тушь для бровей, замазки для париковъ и проч.

Громадный выборъ парфюмерій лучшихъ заграничныхъ фабрикъ

Высылаеть по первому требованію

Аптекарей складъ Э. Ф. ВОЛЯНСКАГО

С.-Петербургъ, Вознесенскій просп., № 22. № 234 (1—1)

Краска для волосъ Голлендера „НАТУРЕЛЬ“.

Самая безвредная и прочная, окрашивающая
волосы въ натуральные цвѣта: черный, кашта-
новый и темнорусый.

Краска „НАТУРЕЛЬ“ не имѣетъ дурного вліянія
на волосы.

Цѣна коробки 1 р. 50 коп., съ пересылкою въ
Европейскую Россію 2 р. 25 к. Требуется во
всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магази-
нахъ Имперіи.

Главный складъ: Торговый домъ „Парфюмерная лабо-
раторія „I. ГОЛЛЕНДЕРЪ“, С.-Петербургъ, Разъѣзная,
№ 13. 216 (г.—)

КРЕСТОВСКІЙ САДЪ и ТЕАТРЪ

Ежедневно блестящая и въ всякой конкуренціи большая программа
КОНЦЕРТЪ-ВАРІЭТЕ.

Знаменитой испанки М-л^е Тортеяда. Американ. дивы Амеліа Стоне. Парижскихъ звѣздъ
М-л^е Діетерле и М-л^е Мізъ.

ДЕБЮТЫ М-л^е Мюге, М-л^е А. АДАМЕЙТЬ, М-л^е СЕЛЬФИНЕСЬ, М-л^е Дарклей. М-л^е ЭДМЕГАТЬ, М-л^е ДЕЛОРЬ, М-л^е ДЕРВИЛЬ, М-л^е ЛЕРИ, М-л^е МЕРЛИ, М-л^е ФРАНВИЛЬ, М-л^е ДЕНУРСЕЛЬ, М-л^е Ст-ло. Оригин. труппа бедуинъ изв. кварт. **АХМЕТЪ ИБРАГИМЪ**, известн. сестеръ **МОДЪ**, известн. труппа **ФЕРДИНАНДА ЗЕММЕЛЬ**. изв. англ. труппа ИДОЛЬСЪ. изв. кварт. **ОРФЕЙ**, Знаменитыя ели-липуты Бр. Бен-галесъ. Франц. дуэтн-стокъ сестеръ Гаваре. На верандѣ и от-крытой сценѣ бу-дутъ играть первый изв. румынск. оркестръ Г. МИТАШИ, второй изв. румынск. оркестръ НИКОЛАЯ МАТАКИ, семейство ЯКОВИ, ТРИО БЕКАРЪ, Труп. Ф. Земмель, Трио Копроди.

Московский хоръ А. З. Ивановой, кварт. Эсперелла, труппа Фаворитъ, труппа Любскаго, труппа Баравовской, купл. г. Ша-товъ, гарм. и купл. г. Голицына. Большой хоръ цыганъ А. П. Гроховскаго.

Драматическая труппа подъ управленіемъ г. КОВАЛЕНКО. Ежедневно одноактные пьесы и оперетки.

Театръ и садъ П. В. ТУМПАКОВА

(Фонтанка, у Измайловскаго моста).

Драма и комедія подъ управ. Я. В. Самарина.

РЕПЕРТУАРЪ съ 6-го по 12-е июня.

6-го июня, воскресенье:

„ГАЙДАМАКЪ ГАРКУША“

украинская быль въ 5 д. соч. Орликов-скаго.

7-го июня, понедѣльникъ:

„ЗА МОНАСТЫРСКОЙ СТѢНОЙ“

драма въ 5 дѣйств.

8-го июня, вторникъ:

„ПО ГРИВЕННИЧКУ ЗА РУБЛЬ“

сцена въ 5 д., соч. Елизарова.

9-го июня, среда:

„СО СТУПЕНЬКИ НА СТУПЕНЬКУ“

др. въ 4 д. и 5 кар. съ пѣменк.

10-го июня, четвергъ:

„ДРУГЪ ФРИЦЪ“ ком. въ 3 д., съ пѣм.

СОСТАВЪ ТРУППЫ: Г-жи Лепетичъ, Ростовцева, Кудрявцова, Красовская, Соколова, Гарина, Волынская, Александровская, Ивановская, Горина, Старновская, Сергѣева. Гг. Бредовъ, Брянскій, Митрофановъ, Егоровъ, Лепетичъ, Августовъ, Кубаловъ, Войтоловскій, Костинъ, Горскій, Козыревъ, Филимоновъ.

Оркестръ военной музыки Л.-Гв. Измайловскаго полка подъ управленіемъ капельмейстера Г. ШТВѢЙНСЪ. Известная замѣчательная эквилибристка М-л^е ЭММИ — во всѣхъ городахъ Европы большой колоссальный успѣхъ.

По оконч. спектакли **БОЛЬШОЙ РАЗНОХАРАКТЕРНЫЙ ДИВЕРТИМЕНТЬ**.

Театръ и садъ „АРКАДІЯ“.

Лѣтній сезонъ 1899 г.

Въ театрѣ рус. опера.

Товарищество русскихъ оперныхъ артистовъ подъ управленіемъ М. К. Максакова.

Въ воскресенье, 6-го июня „ПИКОВАЯ ДАМА“. Понедѣльникъ, 7-го — „КНЯЗЬ ИГОРЬ“. Вторникъ, 8-го — „ТРАВИАТТА“. Среда, 9-го — „ДУБРОВСКІЙ“. Четвергъ, 10-го — „КНЯЗЬ ИГОРЬ“. Пятница, 11-го — „ЖИДОВКА“. Суббота, 12-го — „РИГОЛЕТТО“.

Капельмейстеръ ПАГАНИ. Режиссеры: БѢЛЬСКІЙ и КРАВЕЦКІЙ.

Цѣны общедоступныя. Взавшіе билеты въ закрытый театръ за входъ въ садъ ничего не платятъ. Билеты продаются въ цвѣточномъ магазинѣ Фрейдлихъ, Невскій, 34, отъ 12 до 5 ч. дня. Начало спектаклей ровно въ 8¼ час. вечера. Окончаніе въ 12 час. ночи.

ВЪ САДУ БОЛЬШАЯ ГУЛЯНЯ. На открытой сценѣ: Русская драматическая труппа подъ управл. С. А. Трефилова; репертуаръ: фарсы, водевили, водевили съ пѣніемъ и оперетты. Англійская пажтомима Озрани. Балетъ подъ управл. балетм. Люзинскаго. Большой дивертисментъ изъ 20 №№: Турецкій эквилибристъ Ахметъ Бенъ. Известное англійское семейство Верони-Вестъ. Карликъ французск. пѣвецъ Юлингъ. Парижскіе нище (тріо) Мистрельсъ. Известная богемская пѣвица Ирма Белла. Известная нѣмецкая пѣвица Ланжеръ. Замѣчательное семейство Ридеръ съ обезьянами акробатами. Чоловѣкъ-змѣя Глазиръ. Известный неаполитанскій квинтетъ „Анжелини“. Известн. русская пѣвица Минина. Русско-малороссійскій хоръ Кукиной. Военный оркестръ Спб. пожарной команды подъ управл. Фредерихсъ. Вальный оркестръ г. Шольцъ. По приглашенію поетъ хоръ цыганъ Н. Шишкина. Цѣна за входъ въ садъ 40 к. Абонементныя книжки 10 билетовъ 2 р.

Дирекція: Д. А. ПОЛЯНОВЪ.

Я употребляю

НА ПОМОЩЬ ВОЛОСАМЪ!

Элеопать провизора КИНУНЕНА.

Рекомендуется какъ средство для волосъ, способствующее быстрому росту ихъ и уничтожающее головную перхоть.

Элеопать пр. Кинунена находится въ продажѣ 20 лѣтъ и ежегодно расходится десятками тысячъ флаконовъ, что доказываетъ его несомнѣнную пользу волосамъ. Элеопать пр. Кинунена имѣется къ услугамъ публики во всѣхъ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Имперіи. Цѣна флакону 1 р. 50 к., 2 флакона высылаются почтою въ Европейскую Россію за 4 рубля.

Главный складъ: Разъѣзжая ул., № 13.

С.-Петербургъ.

Адресъ для писемъ: „Складъ элеопата Кинунена“.

№ 212

Съ 1-го Юня по 15-е Сентября

въ г. ЕКАТЕРИНБУРГЪ

сдается театръ для спектаклей за цѣну 50 руб. въ вечеръ съ декорациями и мебелью. За справками прошу обращаться къ управляющему театра въ Екатеринбургъ, театръ, Ивану Антоновичу Шелковскому. Театръ освѣщается электричествомъ.

№ 236 (2—2)